

Д Т Л О

о

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЬ

въ 1821 году.

I.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

о Общемъ Собраниі Императорскаго Санктъ-Петербургскаго
Университета 3, 4 и 7-го числа Ноября сего 1821 года.

(Въ Главное Правленіе Училищъ.)

Въ трехъ журналахъ чрезвычайныхъ собраній Университета
3, 4 и 7-го Ноября, содержатся всѣ подробности дѣла объ ото-
браніи отъ Профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Адъюнкта
Арсеньева, отвѣтовъ на вопросы, составленные для того въ Глав-
номъ Правленіи Училищъ изъ тетрадей Студентовъ, слушавшихъ
у нихъ лекціи.

Подлинные отвѣты, мінія и протесты и другіе акты при-
ложены при выпискахъ.

При самомъ началѣ засѣданія обнаружился планъ, подкрѣп-
ленный, по всѣмъ вѣроятіямъ, надеждою остановить изслѣдованіе,
и чрезъ то представить мѣры Правительства необдуманными и не-
достаточными къ обузданію ученаго вольнодумства. Все было со-
ображенено противною партіею, чтобы защитить не только лица
обвиненныхъ преподавателей, но даже и самыя системы ихъ
ученія.

Первый позванъ къ отвѣту Профессоръ Германъ: ему прочены вопросы и предложено дать письменные отвѣты. Узнавъ, что сіе сдѣлать слѣдуетъ въ присутствіи Университета, онъ покорился сему, и просилъ позволенія заняться въ особой комнатѣ, что ему и дозволено.

За тѣмъ позванъ Раупахъ. Не бывъ личнымъ свидѣтелемъ, не возможно представить гордости, дерзости и, можно сказать, презрѣнія, съ какимъ онъ вошелъ. По выслушаніи предписанія, рѣшительно и упорно отвергъ справедливоость обвиненія и объявилъ, что письменныхъ отвѣтовъ на вопросы дать не можетъ, доколѣ не получить своихъ собственныхъ и Студентовъ его записокъ, обѣщаю доказать, что онъ никогда того не преподавалъ, что въ вопросахъ находится.

По настоятельномъ требованію, Раупахъ наконецъ написалъ, на Французскомъ языку, отрицаніе почти того же содержанія, что говорилъ прежде.

Не удовлетворяясь тѣмъ, я повторилъ требование, чтобы вопросные пункты онъ очистилъ какими хочетъ отвѣтами; но онъ, возвысившись тонъ, выходилъ изъ себя отъ досады и торжественно объявилъ, что «ни какая власть не принудить его исполнить такой законъ, которого исполнить не возможно.» За сіе онъ высланъ изъ Присутствія, и поступокъ его большинствомъ голосовъ признанъ противозаконнымъ и возмутительнымъ. Положено: призвавъ его вторично въ Присутствіе, настоятельно требовать надлежащихъ отвѣтовъ. По изъясненію ему законовъ и убѣждению нѣкоторыхъ изъ Членовъ, онъ написалъ наконецъ на все вопросы пункты безусловное отрицаніе, повторяя прежнее свое требование тетрадей на нѣкоторое время.

Когда Германъ представилъ письменные свои отвѣты, приступлено къ разсматриванію оныхъ, для положенія мнѣнія. При семъ оказалось то, чего описать не возможно. Тѣ, кои надѣялись остановить сими отвѣтами дальнѣйшее изслѣдованіе, видя, что разсужденіе направляется къ противному, рѣшились отстаивать и ученія и учителей самыми неблагопристойнымъ образомъ.

Первыми покушеніемъ были дерзкія, ирониріивыя натяжки и прицѣпки къ каждому слову; даже грамматическая изъясненія.

служащія къ оправданію Германа и Раупаха, для уничиженія Правительства.

Професоръ Балугьянскій, до призванія Германа и Раупаха въ Присутствіе, сдѣлалъ мнѣ весьма подозрительный вопросъ: «Какая цѣль Правительства: одно ли ученіе, или самые преподаватели осуждаются? Ибо въ послѣднемъ случаѣ могутъ быть необходимы другаго рода сужденія?»

Я на сіе отвѣтствовалъ приказаніемъ записать вопросъ сей въ журналъ, и по тому только отложилъ сіе, что онъ, Балугьянскій, сталъ извиняться и говорить, что хотѣлъ сказать не то, и по тому, что Директоръ убѣждалъ меня оставить сію наглость, скрывавшуюся подъ лицою мнимаго неумѣнія выразить свои мысли.

Видя, что нѣтъ возможности составить общаго мнѣнія; ибо, съ одной стороны, благонамѣренные Члены Университета, проникнутые святостью дѣла, не могли согласиться съ неблагонамѣренными, и отъ того, естественно, происходили длинныя, пустыя словопрѣнія, я нашелся въ необходимости превратить совѣщаніе въ вопросы. Отъ сего произошли: 1) разные голоса противудѣйствующей партіи; 2) упорное отверженіе основательности выписокъ, указывающихъ на вредность ученія, и 3) настоятельное подкрѣпленіе требованій Германа и Раупаха о выдачѣ имъ собственныхъ записокъ и Студентскихъ тетрадей. Сими средствами падѣялись подвергнуть вопросные пункты ученому разбору, и тѣмъ судебный ходъ дѣла превратить въ школьнное словопрѣніе. Многіе голоса подкрѣпляли требованіе Германа, «предать ученіе его судьямъ, имѣющимъ основательнѣйшія понятія о наукѣ», притворяясь не видящими того, что дѣло идетъ не объ учености, но о нападеніи на Религію и Правительство.

Професоръ Шармуа, видя, что не возможно оправдать Германа и Раупаха законно, прибѣгнулъ къ средству незаконному, которое состояло въ томъ, чтобы отвергнуть право Предсѣдателя предлагать вопросы, и написалъ въ мнѣніи своемъ, что не починаетъ себя обязаннымъ отвѣтывать на такие вопросы, которые не находятся въ предписаніи Вашего Сіятельства; смыслъ сего толькъ, что я не долженъ дѣлать таковыхъ вопросовъ.

Намѣреніе сіе необходимо имѣло бы желаемый успѣхъ, если бы я не остановилъ дерзости Шармуа съ твердостью и рѣшительностью. Я предложилъ судить таковую дерзость, и Шармуа единогласно обвиненъ. По собраніи голосовъ, видя, что покушеніе его не удалось, онъ просилъ и у меня и у всего собранія прощенія, которое ему и даровано. И противъ всего-то такъ нагло протестовалъ онъ, на другой день, когда голоса о поступкѣ его были уничтожены, надѣясь и симъ опрокинуть ходъ всего дѣла.

Професоръ Балугынскій, при требованіи міцкія о семъ поступкѣ Профессора Шармуа, сказалъ, что Собраніе Университета превращается въ Инквизицію; когда я ему сіе замѣтилъ, то сталъ отыгрываться изъясненіемъ Латинскаго слова (*Inquisitio*).

Не смотря на все сіе, единогласно и благонамѣренными и противодѣйствовавшими Членами Общаго Собранія признано:

1) Ученіе всѣхъ четырехъ преподавателей вреднымъ: первыми — положительно, послѣдними подъ условiemъ: «если обвинительные акты основательны, безпристрастны.»

2) Самы преподаватели неблагонадежными и опасными; первыми — положительно, послѣдними — условно: «если преподаватели дѣйствительно будутъ изобличены въ преступномъ ученіи, имъ приписываемъ.»

По призваніи въ Присутствіе Профессора Галича и по прочтепи вопросовъ, я тронуть былъ до глубины сердца, видя Русскаго Профессора, извѣстнаго многимъ по доброй нравственности, потерявшаго себя черезъ пристрастіе къ виновному ему въ Германіи лжемудрію, и, какъ умѣлъ, старался тронуть его упреками въ неблагодарности къ Правительству, на счетъ коего онъ воспитаинъ, во вредъ, который нанесъ тому мѣсту, гдѣ самъ образованъ, и наконецъ въ усилии постановить заблуждающійся разумъ человѣческій на мѣсто того Спасителя, кровю коего онъ искупленъ. Не знаю, подействовало ли на него сіе увѣщаніе, но Галичъ написалъ въ отвѣтъ слѣдующія слова:

«Сознавъ невозможность отвергнуть вопросы пункты, отвѣ чаю желаніемъ не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія.»

Отвѣтъ сей произвелъ сильное впечатлѣніе на все Собраніе, и многіе Члены, проливая слезы, просили меня о ходотайствѣ за него. Сознаніе Галича служить неприложнымъ доказательствомъ того, что ученіе, обличенное вреднымъ и опаснымъ, дѣйствительно таково, и въ Университетѣ допущено было.

Предметомъ послѣдняго, 7-го Ноября, Собранія было подписаніе журналовъ и протесты Профессоровъ Шармуа и Деманжа.

Здѣсь возникли обветшалыя увертки и родились новые пререканія и прицѣпки къ словамъ, знакамъ препинанія и проч., съ тою же, какъ и прежде, цѣлью, то есть, остановить и защитить дѣло. Сему воспрепятствовало мое объясненіе, что при подпискѣ журнала всякъ имѣть право подать особое мнѣніе.

9 и 10-го Ноября Профессоры: Балугьянскій, Грефе, Соловьевъ, Чижовъ и Плисовъ прислали ко мнѣ мнѣнія; въ нихъ оказалось новое усиление подвергнуть подозрѣнію законность дѣлопроизводства, которое, по обнаруженіи Профессоромъ Плисовымъ явнаго пристрастія въ пользу обвиняемыхъ преподавателей, было поручено подъ особенное наблюденіе Директора Университета. Между прочимъ оригинальное признаніе Галича прощадило пѣсколько дней и вчера только найдено брошеннымъ на шкафъ въ комнатѣ Конференціи.

Шармуа, въ засѣданіи 3-го Ноября, желая воспрепятствовать мнѣ предлагать вопросы, не вывелъ бы меня изъ границъ умѣренности, если бы не было ясно намѣреніе запутать дѣло; и по сему только, видя и дерзость и трудность его, на клятву его не бомъ и землею, отвѣчалъ, что не могу дать вѣры его клятвамъ, не зная, крещень онъ, или нѣтъ.

Признаюсь, что, просидя безвыходно отъ 10-ти часовъ утра до 9-ти вечера, безъ обѣда и утомленный отъ разговора и чтенія, я не умѣль удержаться отъ сего порыва. Все соглашено было, чтобы вывести меня изъ человѣческаго терпѣнія.

Деманжъ почти со слезами просилъ о уничтоженіи голосовъ, обвинившихъ его сотоварища; къ нему присоединились и другіе благонамѣренные Члены Общаго Собранія, просили за него, и имъ не мудрено было успѣть въ томъ; но при семъ отъ Шармуа

требовалось, чтобы онъ объявилъ въ Присутствіи, что сіе непріятное для него происшествіе не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на даваемыя имъ сужденія о дѣлѣ,—и онъ исполнилъ то.

4-го Ноября Шармуа сказался больнымъ и чрезъ Деманжа прислали бумагу; продолжившееся до ночи засѣданіе не позволило предложить оной на разсмотрѣніе Университетскаго Собрания; къ тому же нѣкоторые Члены, зная содержаніе оной, прошли о возвращеніи ея Профессору Шармуа, и я оставилъ ее, за печатью мою, въ рукахъ Профессора Балугъянскаго, во избѣженіе всякаго подозрѣнія.

7-го числа къ сей бумагѣ прибавилась другая отъ того же Шармуа и третья отъ Деманжа. Всѣ онъ заключали протесты на сдѣланныя укоризны Профессору Шармуа, который включилъ въ нихъ и отрицаніе отъ одного изъ прежнихъ своихъ мнѣній, относительно сужденія по самому дѣлу. Не только я, но и большая часть Собрания увидѣла въ семъ поступкѣ лживость характера обоихъ упомянутыхъ Профессоровъ, и по тому всѣ происшествія записаны въ журналѣ.

Невозможно было ожидать, чтобы сіе дѣло рѣшилось общимъ совѣщаніемъ; каждый Членъ написалъ свое мнѣніе, но всѣ почти голоса заключаютъ обвиненія Шармуа, а нѣкоторые и Деманжа.

Изъ всего видѣннаго и слышаннаго мною я удостовѣрился, что самый опасный духъ партії существуетъ въ Университетѣ между нѣкоторыми Членами, и что при ихъ расположеніи Правительство на каждомъ шагу встрѣчать будетъ противодѣйствія, если не явныя, то тайныя, которыя всегда полагать будуть пропоны всякому наиболѣшему намѣренію.

Дмитрій Румачъ.

Ноябрь 12 дня,
1821 г.

II.

ЗАПИСКА

о производствѣ дѣла по обвиненію Профессоровъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета въ чрезвычайныхъ Собраніяхъ Правленія и Конференціи снаго Университета
3-го, 4-го и 7-го Ноября, 1821 года. *

С.-Петербургскій Университетъ имѣлъ несчастіе навлечь себѣ нарекаціе со стороны своего Начальства, и чрезъ то обратить на себя вниманіе не только столицы, но всей Россіи, а можетъ быть и цѣлой Европы. Внезапное обвиненіе Профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и Адьюнкта - Профессора Арсеньева, возбудило любопытство публики, состраданіе всѣхъ людей благомыслящихъ и участіе самаго Монарха.

* Записка эта была уже одинъ разъ напечатана въ «Чтепіяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1862 г., кн. 3, отд. V, стр. 179 — 205, теперь же помѣщается вновь гораздо въ полнѣйшемъ видѣ, полнѣйшемъ даже противу того, какъ она приведена въ «Матеріалахъ для исторіи образования въ Россіи въ царствование Императора Александра I-го» (Спб. 1866, стр. 132 — 159). Этимъ мы обязаны сыну самаго составителя Записки, Подполковнику Путей Сообщеній Цислову, которому и приносимъ за то искреннѣйшую благодарность. Къ ней, для болыпой яспости, присоединены нами еще изъ упомянутыхъ выше «Матеріаловъ»: 1, Краткая Записка о общемъ собраніи Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 3, 4 и 7-го числа Ноября, 1821 года, представленная Г. Рундчесмъ въ Главное Правление Училищъ (стр. 127 — 131): она поставлена въ началѣ всего «Дѣла»; 2, Выписки вредныхъ мѣстъ изъ лекцій Профессоровъ Германа, Раупаха и Арсеньева (стр. 100 — 127), и 3, Вопросные пункты и отвѣты на нихъ Профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева (стр. 167 — 178). Желающихъ знать мнѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ (Кн. А. И. Голицына), Главнаго Правленія Училищъ, Членовъ Комитета Министровъ и другихъ лицъ объ этомъ «Дѣлѣ», отсылаемъ къ упомянутымъ «Матеріаламъ для исторіи образования въ Россіи» и пр. (стр. 72 — 100, 178 — 220).

О. В.

Поводъ къ сему обвиненію отъ Начальства объявленъ, но истинныя причины, оставаясь загадкою, для всякаго посторонняго, подразумѣваются, и рано, или поздно, могутъ быть обнаружены, выведены и доказаны, какъ изъ связи происшествій и обстоятельствъ, большою частію извѣстныхъ, такъ и изъ офиціальныхъ бумагъ. Самое производство сего дѣла въ Университетскихъ Собранияхъ, Ноября 3-го, 4-го и 7-го дня, 1821 года, при которомъ настоятельно требовалось обвиняемыхъ непремѣнно осудить по самому обвиненію, лишивъ ихъ всѣхъ возможныхъ и законныхъ средствъ къ оправданію, самое это, по себѣ уже достопримѣчательное во многихъ отношеніяхъ, производство дѣла есть только простое и весьма естественное слѣдствіе оныхъ причинъ. Не стоило труда изложить со всею историческою точностію, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія происшествія, случившіяся въ сихъ Собранияхъ, чрезвычайныхъ не по одному своему названію, но и по сущности. Оставалось только сличить и повѣрить, большою частію записанныя тогда же для памяти, замѣчанія тѣхъ изъ Членовъ Конференціи, кои полагали, что не иначе можно следовать преднарѣваемымъ, при томъ чужимъ и постороннимъ, цѣлямъ и планамъ, какъ развѣ забывши долгъ, поправши честь, презрѣвши стыдъ и усыпя совѣсть.

Засѣданіе 3-го Ноября.

Подъ предсѣдательствомъ Господина Исправляющаго должность Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, Дѣйствительного Статскаго Совѣтника и Кавалера, Дмитрия Павловича Рунича. Началось въ 10-ть часовъ утра.

Предполагалось, что главная цѣль сего Собрания оставалась для Членовъ неизвѣстною; по тому что, тайно и необыкновеннымъ образомъ приглашенные къ оному, обвиняемые Профессоры собраны были въ особомъ, удаленномъ отъ Присутствія, залѣ.

По прибытии Предсѣдательствующаго, Г-па Рунича, и Директора, Г-па Кавелина, избранъ Профессоръ Плисовъ, за болѣзнь Конференцъ - Секретаря Бутырскаго, къ исправленію его должности.

Читаны сперва Г-мъ Руничемъ Отношениа къ нему Г-на Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, при которыхъ препровождаетъ два Высочайшия повелѣнія о томъ, что С.-Петербургскій Университетъ удостоенъ титула Императорскаго Университета, и что Профессоръ Балугьянскій увольняется отъ званія Ректора.

Третьимъ Отношениемъ Г-нъ Министръ предлагаетъ исправление должности Ректора въ Университетѣ поручить, до времени, Г-ну Заслуженному Профессору Зябловскому.

Потомъ Г-нъ Руничъ велѣлъ подать портфель и, въ слѣдъ за тѣмъ, началъ читать Представленіе свое на имя Г-на Министра духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, содержаніемъ коего было то, что «еще прежде вступленія его въ исправленіе должности Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, доходили до него слухи, что въ здѣшнемъ Университетѣ преподается ученіе на правилахъ разрушительныхъ; что онъ тому не вѣрилъ, предполагая, что примѣръ (Казанскаго Университета и) Профессора Куницына, вѣроятно подействовалъ; что, вступивши въ исправленіе должности Попечителя, онъ препоручилъ Г-ну Директору взять (тайно) отъ нѣкоторыхъ Студентовъ и Воспитанниковъ Благороднаго Пансиона, дѣланнныя ими, Записки по части преподаванія нѣкоторыхъ Профессоровъ; что изъ сихъ Записокъ усмотрѣлъ опь, что Профессоръ Раушъ проповѣдуетъ явно обдуманную систему неувѣрія и проч.; что Профессоръ Германъ изъ Статистики, науки простой, дѣлаетъ тоже... Тутъ слѣдовали разныя, ужасныя, пениковѣрные и даже въ различныхъ отношеніяхъ невозможныя, преступленія, въ коихъ оные Профессоры обвинялись отъ Г-на Исправляющаго должностъ Попечителя и, между прочимъ, сколько помнить можно, въ Маратизмѣ и Робеспьеризмѣ. Такого же рода были и обвиненія Профессора Галича и Адъюнкта - Профессора Арсеньева.

Въ слѣдъ за тѣмъ читалъ Г-нъ Руничъ, послѣдовавшее на то, Предложеніе Г-на Министра, при которомъ препровождаетъ (обратно) выписки изъ тетрадей и книгъ и, заготовленные въ Главномъ Правленіи Училищъ, вопросные пункты, на которые предла-

гасть требовать отъ обвиняемыкъ Профессоровъ отвѣтовъ, для сужденія и мнѣнія по оному Конференціи.

Г-нъ Руничъ велѣлъ Экзекутору позвать въ Присутствіе сперва Профессора Германа, а между тѣмъ позволилъ себѣ не только укорительныя, неосновательныя и неумѣстныя, замѣчанія на счетъ отзыва Германа къ Ректору, но также странныя, а еще болѣе неприличныя, насмѣшки на счетъ тутъ находившихся собственно ручныхъ его тетрадей, называя оныя гадкими, мерзкими, чтобы взять въ руки, и къ тому еще смердящими. Онъ даже предлагалъ нюхать оныя, кому угодно, показывая, съ своей стороны, отвращеніе отъ какого-то дурнаго въ нихъ запаха и зажимая носъ. При семъ не пощаженъ даже покойный Шлецерь, бывшій учитель Германа.

Между тѣмъ явился въ Присутствіе Германъ. Г-нъ Руничъ читалъ ему вопросные пункты, до обвиненія его касающіяся, а Г-нъ Кавелинъ — выписки изъ Студентскихъ тетрадей. Чтеніе продолжалось долго; Германъ наблюдалъ молчаніе, а между тѣмъ сѣлъ на одномъ изъ стоявшихъ въ особомъ ряду позади стульевъ, кои, вѣроятно, для того и были поставлены.

По окончаніи чтенія, Г-нъ Руничъ требовалъ, чтобы Г-нъ Германъ тутъ же далъ тотчасъ письменные отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо.

Троекратно обращался Германъ къ Собранию съ просьбою о сообщеніи ему оныхъ вопросныхъ пунктовъ на дому, дабы ему можно было въ спокойномъ духѣ дать удовлетворительные на оные отвѣты, но Г-нъ Руничъ отзывался совершенною невозможностью то позволить, велѣлъ ему садиться тутъ же, за особымъ столомъ, и, не медля, писать отвѣты. Германъ безпрекословно повиновался.

Профессоръ Плисовъ долженъ былъ сѣсть съ нимъ вмѣстѣ, чтобы читать и переводить оные вопросные пункты, но, видя продолжаемыя со стороны Г-на Рунича, и словами и тѣлодвиженіями, неприличныя насмѣшки на счетъ помянутыхъ тетрадей Германа, и частію развлекаясь, а частію показывая знаки удивленія, останавливался при чтеніи обвинительныхъ пунктовъ. За-

мѣта то, Г-жъ Руничъ сорашивалъ Г-на Кавелина довольно двусмыс-ленно: «Развѣ Г-мъ Плисовъ такой же Нѣмецъ?»

Тутъ Германъ, сперва чрезъ Плисова, а потомъ и самъ лично, началъ просить о позволеніи писать отвѣты въ особой камерѣ. Г. Руничъ не соглашался, а наконецъ, по представлениемъ нѣкоторыхъ Членовъ, просьба Германа уважена, и Плисовъ отряженъ съ нимъ, для надзора при составленіи письменныхъ его отвѣтовъ въ особой камерѣ.

Между тѣмъ, по приказанію Г. Рунича, призванъ Профессоръ Раупахъ, который, вошедши въ Присутствіе и учтиво поклонясь Собранию, сѣмъ тотчасъ на одномъ изъ позади стоявшихъ стульевъ. Обстоятельство маловажное и ни кѣмъ не замѣченное, но въ послѣдствія (по журналу) вымѣненное Раупаху въ число преступлений. Раупахъ просилъ позволенія говорить по Французски, но ему читали по Русски, и онъ увѣрялъ, что понимаетъ.

По прочтеніи обвиненій, Г. Руничъ требовалъ отъ него, какъ прежде и отъ Германа, но только съ нѣкоторыми неосновательными угрозами, чтобы онъ тутъ же садился и писалъ немедленно отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо.

Раупахъ отвѣчалъ, что это въ тогдашнемъ его положеніи не возможное дѣло, и что онъ не иначе можетъ отвѣтить, какъ тогда, когда возвращены ему будуть собственныея его тетради, а для сличенія и удостовѣренія — тетрадь того изъ Студентовъ, по которымъ сделаны выписки. «Итакъ Вы не повинуетесь Собранию, — сказалъ ему Г. Руничъ, а слѣдовательно и Главному Правленію Училищъ, а по сему и Министру, а по сему и Государю (указывая на зерцало, которое тутъ нарочито для сего случая поставлено было, «ибо ни прежде, ни послѣ, не было зерцала въ Собрании Правленія и Конференціи), словомъ, не повинуетесь Верховной Власти, по-становленной отъ Бога, и не признаете ни какого закона.» Члены Конференціи изумились.

«Оп не peut pas m'imposer une loi, que je suis incapable de «comprendre», — отвѣчалъ Раупахъ коротко и съ нѣкоторымъ благороднымъ негодованіемъ на подобныя заключенія. «Ah! он не peut pas

«vous imposer une loi», прервавъ его торопливо Г. Руничъ, повторя сіи слова и пропуская послѣднія:

«Que je suis incapable de remplir», прибавляя всякий разъ Раупахъ.

«Посмотримъ, говорилъ Руничъ, что далѣе будетъ: начало хорошо,» а между тѣмъ вѣлько ему непремѣнно садиться за столъ и отвѣтчать, какъ можетъ и что хочетъ.

Раупахъ сѣлъ за особый столъ и написалъ свой отвѣтъ, въ которомъ подтвердилъ свой отзывъ о невозможности дать удовлетворительные отвѣты на предлагаемые ему вопросные пункты.

(Отвѣтъ сей измѣненъ переводомъ Профессора Толмачева, какъ то многіе при чтеніи журнала замѣтили). Когда Раупахъ отдалъ письменный свой отвѣтъ, вѣлько ему выйти. Г. Кавелинъ, ко всѣ общему удивленію, приказалъ Экзекутору взять его подъ свой пріемъ, а сей, вышедши, увѣрялъ всѣхъ, что Раупаха выгнали изъ Присутствія.

Тогда Г. Руничъ началъ не только ругать его всическими поносными словами, но и называть: бунтовщикомъ, возмутителемъ, зажигателемъ, государственнымъ измѣнникомъ (*rebelle, insendiaire*), повторя сіи ужасныя слова и не давая никому выговорить ни одного слова.

Г. Кавелинъ говорилъ, что «если бы Г. Руничъ послушался «его и сдѣлалъ было Отношеніе къ Оберъ-Полицеймѣстру, чтобы прислать человѣка четыре жандармовъ, то тогда, между голыхъ «палашей, стоя за налоемъ, Раупахъ бы болѣе не запирался; что, «впрочемъ, можно и теперь еще послать на гауптвахту» и проч. Съ неописаннымъ изумленіемъ Профессоры: Лодій, Балугянскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Вишневскій, Ржевской, Адъюнктъ Радловъ и Директоръ Училищъ Тимковскій, начинали говорить, дѣлать свои представленія и свято увѣрять, что въ поведеніи Раупаха ни малѣйшее не было ни чего предосудительного, но Г. Руничъ и Г. Кавелинъ не давали никому произнести ни одного слова. Ужасъ и справедливое негодованіе изъявляло Собраніе; однако жъ иные Члены показывали при томъ нѣкое странное равнодушіе. Исправляющаго должностъ Конференцъ-

Секретаря, Профессора Плисова, не было въ Собрани, и въ послѣдствіи уже объяснилась причина, по чому онъ именно, а не другой кто, отряженъ къ Профессору Герману.

Между тѣмъ Плисовъ принесъ, данные Германомъ, письменные отвѣты; Г. Руничъ и Г. Кавелинъ продолжали повторять ужасный названія: возмутителя, бунтовщика, государственного измѣнника и проч., на Французскомъ и на Русскомъ языкахъ, стараясь всячески увѣрить въ томъ Плисова; въ послѣдствіи, при подписавшемъ журнала, уговаривалъ его даже къ тому, чтобы онъ, какъ подписался съ мнѣніемъ, сказалъ въ ономъ только то, что «хотя я и не былъ свидѣтелемъ возмутительныхъ поступковъ Раупаха, но согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, кои почитаютъ оные таковыми.» Отвѣтъ Германа на главный вопросной пунктъ: «Что приведете Вы въ оправданіе, что въ Запискахъ Вашихъ не содержатся разрушительные правила въ отношеніи къ Религіи, Государству?» и проч.—вопросъ, на который физически не возможно было отвѣтить удовлетворительно, состоялъ въ томъ: 1) мою совѣсть, которая чиста, и 2) разсмотрѣніе всѣхъ началь и выражений, кои я признаю своими (ибо въ читанныхъ мноѣ выпискахъ изъ Студентскихъ тетрадей, говорилъ Германъ, замѣтилъ я превратныя мысли, коихъ я не признаю за свои)—*La r  vision faite par des juges comp  tents vers  s dans les sciences politiques.* Потомъ просилъ законныхъ средствъ къ своему оправданію. Онъ призванъ въ Присутствіе. Г. Руничъ дѣлалъ ему упрекъ въ томъ, что онъ такимъ образомъ ни его, ни Главнаго Правления Училищъ, не «признаетъ pour juges comp  tents», что такой отзывъ Германа не можетъ быть принятъ и проч. Наконецъ ему величили выйти и дожидаться.

Г. Руничъ сказалъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, что «отвѣты Германа были бы, впрочемъ, достаточны, если бы не противозаконное, какъ онъ называлъ, требованіе: *r  vision par des juges comp  tents*, которое, какъ говорилъ онъ, ни какъ не можетъ быть допущено.» Потомъ спрашивалъ, что дѣлать съ объясненіемъ Раупаха?

Всѣ Члены единогласно отвѣчали, что «надлежитъ призвать Раупаха въ другой разъ, дабы онъ могъ, если хочетъ, подобно

«Герману, въ особой каморѣ, сколько время ему позволить, писать «отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо, и потомъ такое, по- «дробнѣйшее первого; объясненіе представить Начальству; если же «онъ того не захочетъ дѣлать, то довольствоваться прежнимъ его «объясненіемъ и представить оное Начальству.» Когда Раупахъ въ другої разъ явился въ Собрание, то Г. Руничъ выразилъ заключеніе Конференціи въ превратномъ, смыслѣ: якобы Конференція упорно настоитъ и требуетъ, чтобы онъ, Раупахъ, непремѣнно отвѣчалъ на каждый вопросный пунктъ особо, и при томъ опять тутъ же въ Присутствіи. Профессоры Балугьянскій, Грефе и иѣкоторые другіе старались замѣтить настоящее заключеніе Конференціи. Между тѣмъ Раупахъ рѣшился отвѣчать, какъ могъ; сѣть въ углу съ Г. Кавелинымъ, который читалъ ему порознь вопросы пункты. Написавши отвѣты, въ которыхъ ограничился простымъ отрицаніемъ обвиненій и требованиею времени и законныхъ средствъ къ своему оправданію, Раупахъ отдалъ оные Г. Руничу. По прочтеніи сихъ отвѣтовъ, Раупаху всѣчили выйти. Тогда Г. Руничъ началъ опять называть его возмутителемъ, бунтовщикомъ и проч.

«Какъ милостиво Правительство, говорилъ онъ, что позволяетъ «преступникамъ свободно являться предъ судь, вмѣсто того, «что надлежало бы, между жандармовъ съ голыми палашами, за- «ставить ихъ за палосмы писать отвѣты. Но и ои отвѣты Раупаха «оскорбительны для Собрания; они не содержать въ себѣ ни чего, «кромѣ упорного запирательства, продолжалъ онъ; я бывалъ при «подобныхъ криминальныхъ слѣдствіяхъ, при коихъ преступники «во всемъ запирались такъ же, какъ и нашъ Раупахъ, и я знаю, «что по томъ слѣдуетъ дѣлать; а между тѣмъ, на основаніи пред- «писанія Г. Министра, приступимъ къ опредѣленію нашего инѣ- «нія: какой приговоръ мы сдѣляемъ по отвѣтамъ Профессоровъ «Германа и Раупаха?»

Тутъ велиль онъ Плисову собирать голоса и мнѣнія, начиная по порядку съ младшихъ Членовъ, изъ коихъ иѣкоторые, какъ-то: Роговъ, Поповъ и Щегловъ, изъявляли всю готовность давать оные, и начинали уже говорить — обстоятельство, которое явно показывало, что они о преднарѣзаемомъ производствѣ дѣла были достаточно вразумлены и наставлены. «Собирайте голоса и

мыѣнія!» сказалъ Г. Руничъ Плисову, который медлилъ, и навекъ чрезъ то, несправедливые упреки Г. Руница.

Професоръ Балугъянскій спрашивалъ, о чёмъ надлежало судить и давать мнѣнія? Г. Руничъ отвѣчалъ ему грубыми пасмѣнками.

Професоръ Соловьевъ спрашивалъ о томъ же, и услышалъ отъ него, кроме грубыхъ выражений, угрозы.

Професору Грефе, который такъ же начиналъ дѣлать свои представленія, сказалъ, что «онъ, Грефе, предубѣждены въ пользу обоихъ обвиняемыхъ Професоровъ; впрочемъ, можетъ быть это «происходитъ и отъ одной доброты сердца,» прибавилъ онъ, исправляя свою ошибку.

Однако жъ, не смотря на колкія пасмѣшки и грубия, выражения, въ коихъ Г. Руничъ объяснялся, прибавляя, что «онъ никакъ не думалъ встрѣтить такого сопротивленія въ Членахъ Конференціи, собранныхъ имъ, по предписанію Г. Министра,» не смотря на все это, Професоры: Балугъянскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ и иѣкоторые другие объявили, что они изъ Предложенія Г. Министра и изъ начатаго производства дѣла не видятъ еще, въ чёмъ должно состоять ихъ мнѣніе.

Тогда Г. Руничъ, подумавши сперва немного, предложилъ для мнѣнія вопросъ, сказавши при томъ и повторяя иѣсколько разъ по Русски, по Нѣмецки и по Французски, что «мы здѣсь «не для того, чтобы судить и опредѣлять рѣшительныя заключенія, что это только для формы и въ исполненіе Предписанія Г. Министра, что Главное Правленіе Училищъ само судило уже и будетъ судить» и проч. Первый, предложенный для мнѣнія, вопросъ былъ: «Удовлетворительны ли отвѣты Професоровъ Германа и Раупаха?»

Всѣ Члены, кои были предварительно предупреждены и вразумлены въ разсужденіи производства дѣла, отвѣчали на сей, и двусмысленный и неопределительный, вопросъ, въ одинъ голосъ: «Неудовлетворительны».

Другие спрашивали: «О какомъ отношеніи идетъ дѣло: о томъ ли только, чтобы убѣдиться въ томъ, что такимъ образомъ на-

чатое и производимое дѣло не приведеть ни къ какому объясненію, или о томъ, чтобы изслѣдоватъ дальше и требовать отвѣтъ, предоставивши обвиняемымъ всѣ средства и способы, какихъ они по закону въ правѣ съ своей стороны требовать?»

Г. Руничъ говорилъ однимъ: «*Nous ne sommes pas ici pour juger.*»—«Скажите только Ваше мнѣніе прямо на вопросъ, безъ всѣхъ отношеній!» подтверждалъ онъ другимъ. «Тутъ что-то кроется,» говорилъ онъ вообще; «это какіе-то крючки, уловки, ябедничество, наконецъ заговоръ.» (!) «Что это значитъ?» повторялъ онъ; «Гдѣ я? Такъ ли и всегда ли въ Конференціи происходили совѣщанія?» и пр. пр. Продолжая такимъ образомъ говорить и не давая никому произнести ни одного слова, Г. Руничъ требовалъ, чтобы непремѣнно подаваемы были мнѣнія на вопросъ, и при томъ въ одномъ словѣ: да, или нѣтъ. Такимъ-то образомъ другіе отвѣчали, что оные отвѣты Профессоровъ Германа и Раупаха недостаточны къ объясненію вопросовъ, разумѣя, и даже прибавляя въ нарочитыхъ мнѣніяхъ, что оные отвѣты и не могли быть достаточны, судя по времени и способамъ, къ тому предоставленнымъ.

Г. Зябловскій, Кавелинъ и Руничъ прибавили, что не только неудовлетворительны, но и въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Профессоръ Плісовъ, исправляющій должность Конференц-Секретаря, медлилъ отмѣтить сіе прибавленіе, частію удивляясь явной неосновательности онаго, а частію предполагая, что если бы оные отвѣты и въ самомъ дѣлѣ были въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, то, на основаніи законовъ, не надлежало бы оныхъ и принимать. Г. Руничъ требовалъ, чтобы прибавленіе сіе было непреиѣнно записано, и Плісовъ не могъ и не смѣлъ прекословить.

Потомъ предложенъ для мнѣнія другой вопросъ, который Г. Руничъ, вмѣстѣ съ Г. Кавелиннымъ, диктовали Конференц-Секретарю по словамъ, не заключавшимъ въ связи ни какого смысла, и который четыре раза былъ писанъ, поправляемъ, переписываемъ снова на особой листѣ и опять поправляемъ, наконецъ остался въ сихъ словахъ: «Можно ли допустить мнѣніе Профессоровъ Германа и Раупаха въ томъ, что они не признаютъ выписокъ, составленныхъ въ Главномъ Правлениі Училищъ и

«отъ Г. Министра въ Общее Собраніе Университета препровожденыхъ, законными и на собственномъ ихъ учениі основанными?»

Исключая самого Г. Руничса и Г. Кавелина, никто не понималъ, а можетъ быть рѣдкій и по нынѣ понимаетъ, настоящій смыслъ сего вопроса. Изъ отвѣтовъ Профессоровъ Германа и Раупаха не видно, чтобы они сомнѣвались въ томъ, что выписки изъ тетрадей въ Главномъ Иправлениі Училищъ составлены, или что они отъ Г. Министра препровождены; равнымъ образомъ никто почти не понималъ и не зналъ, какой законности выписокъ оные Профессоры яко бы не признаютъ.

Профессоры: Лодій, Балугьянскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Вишневскій, Плисовъ, Ржевскій, Директоръ Училищъ Тимковскій и Адъюнктъ Радловъ, просили объясненія смысла сего вопроса. Прочие молчали, ожидая, что скажетъ Г. Руничъ. Г. Руничъ прерывалъ всякаго порознь и никому не давалъ произнести ни одного слова; требовалъ, чтобы мнѣнія были собраны.

Но когда приступили къ собранію голосовъ, начиная съ младшихъ Членовъ, и когда даже и тѣ, кои (какъ примѣчено уже и прежде, а въ послѣдствіи явно оказалось) были предупреждены и наставлены въ разсужденіи производства дѣла, не знали, какъ отвѣтить, то Г. Руничъ объяснилъ сей вопросъ, сказавши: «Не уже ли Вы думаете, что можно было бы допустить такое противузаконное мнѣніе Профессоровъ Германа и Раупаха?» Тогда большая часть отвѣчала, что «нельзя»; иные даже не понимали, что сіе предположеніе значило, и къ чemu оно послужить. Нѣкоторые дали особыя письменныя мнѣнія разнаго содержанія. *

Г. Руничъ, въ свою очередь, написалъ на черновомъ листѣ собственноручно длинное мнѣніе, въ которомъ онъ говорилъ, между

* Въ послѣдствіи Г. Кавелинъ, взявши съ собою черновыя бумаги назадъ, вымѣръ въ семь вопросъ слово: «законными», и заставилъ исправлявшаго должностъ Конференцъ-Секретаря, Профессора Плисова, переписать сей вопросъ на особой листѣ, уѣврая, что, въ минуту его отсутствія изъ Собранія, оное слово отмѣнено. Тогда отрицательные отвѣты: «нельзя», принимали другой смыслъ, а яѣ-

прочимъ, что такое мнѣніе Профессоровъ Германа и Раупаха грубо, дерзко, оскорбительно, противуааконно, и проч. Читая и повторяя сіе свое мнѣніе неоднократно, склонялъ Членовъ на оное согласиться.

Но когда изъ того нельзя еще было вывестъ ни чего решительнаго къ осужденію Профессоровъ Германа и Раупаха, то Г. Руничъ началъ диктовать по словамъ третій вопросъ, который самъ по себѣ былъ совершенно понятенъ, но привелъ въ немалое изумленіе всякаго, кто не былъ предубѣжденъ и остался безпристрастенъ.

Вопросъ сей состоялъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Принявъ въ соображеніе неудовлетворительность отвѣтовъ, данныхъ Профессорами Германомъ и Раупахомъ съ одной стороны, а съ другой важность, заключающіяся въ вопросахъ, на кои онъ сдѣланы, и личное поведеніе Профессора Раупаха въ Общемъ Присутствіи, остается, для исполненія предписанія Г. Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, рѣшить: какого мнѣнія Конференція о преподанныхъ ими ученіяхъ и облагонадежности ихъ, какъ наставниковъ юношества?»

Тутъ-то явно оказалось, что многіе изъ Членовъ не только были предупреждены на счетъ сего вопроса, но вразумлены и на счетъ отвѣта на оній, а вообще предубѣждены въ пользу незаконнаго производства сего дѣла; ибо Адъюнкты-Профессоры: Роговъ, Поповъ и Щегловъ, не дожидаясь еще, пока сей вопросъ будетъ написанъ, при самыхъ первыхъ, диктованныхъ Г. Руничемъ, начальныхъ словахъ, изъ коихъ другіе ничего еще понять не могли, начали писать мнѣнія и отвѣты. Имъ послѣдовали немедленно Профессоры Дегуровъ и Толмачевъ, Зябловскій приготовлялся также писать.

Г-нъ Кавелинъ и Г-нъ Руничъ еще съ болѣшимъ противу прежняго ожесточеніемъ и крикомъ оспаривали всякаго, кто толь-

который особая мнѣнія другихъ Профессоровъ на мнѣніи непосредственнаго отношенія къ вопросу.

ко осмѣшился представить, что на сей вопросъ нельзя еще отвѣтить; что Г-нъ Руничъ, сакъ повторялъ прежде неоднократно, что мы видѣсь не для того, чтобы судить и давать рѣшительныя определенія; что изъ ответовъ Профессоровъ Германа и Раупаха, недостаточныхъ къ объясненію вопросовъ, или неудовлетворительныхъ, нельзя еще ни чего заключить; наконецъ, что надлежитъ предоставить онымъ Профессорамъ всѣ законные средства и способы къ ихъ оправданію, и что они имѣютъ право того требовать.

Послѣднія сіи представленія подействовали на Г-на Рунича и Г-на Кавелина, кои, сперва, заглушили каждого и не давая никому выговорить ни одного слова, страшали всякаго нареканіемъ соумышленничества съ обвиняемыми, говорили о "заговорѣ", о "возмутительномъ якобы поступкѣ Раупаха", называя его бунтовщикомъ; о томъ, что вѣрно хотятъ защищать его, подражать ему; Г-нъ Кавелинъ твердилъ неоднократно объ отношеніи къ Оберъ-Полицеймейстеру, о жандармахъ съ голыми палашами и т. п. Чувствуя ужасную несправедливость такихъ упрековъ и явной обманъ, всѣ благомыслящіе Члены, по непривычкѣ къ такимъ явленіямъ, тронуты были до слезъ.

Между тѣмъ, послѣднія представленія о томъ, чтобы дать обвиняемымъ всѣ возможныя средства къ ихъ оправданію, и что они въ правѣ требовать того по законамъ, привели въ недоумѣніе Г-нъ Кавелина и въ замѣшательство самого Г-на Рунича, по тому что и тотъ и другой всячески старались удалить даже мысль о законныхъ средствахъ.

Подумавши немного, Г-нъ Руничъ спросилъ: «Какого же мнѣнія Конференція о преступленіяхъ, въ коихъ оные Профессоры обвиняются (невѣріе, безбожіе и проч.)?»—«Сіи преступленія ужасны, но въ отношеніи къ обвиляемымъ еще не доказаны», былъ отвѣтъ.

«А выписки, присланныя изъ Главнаго Правленія Училищъ?» говорилъ Г-нъ Руничъ, и потому предложилъ вопросъ: «Судя по выпискамъ, присланнымъ изъ Главнаго Правленія Училищъ, какого мнѣнія Конференція о подобнои учении?»

Междѹ тѣмъ какъ приготвлялись писать мнѣнія на сей вопросъ такъ, какъ онъ есть, Адъюнкты Профессоры: Роговъ, Щегловъ и Поповъ начали читать свои, готовыя уже и при томъ безусловныя, мнѣнія на вопросъ такъ, какъ онъ предложенъ былъ Г-мъ Руничемъ прежде.

Такая торопливая наглость не могла быть приписана одной неопытности сихъ молодыхъ людей, коихъ весьма еще недавно видѣли за ученическою скамьею.

Роговъ читалъ первый: осуждалъ Раупаха во всемъ и полагалъ, что онъ не заслуживаетъ никакой довѣренности. Причина тому известна: каѳедра Раупаха ему обѣщана и, сверхъ того, другія лестныя награды и знаки отличія. О Германѣ же отзывался Роговъ, что онъ—бывшій его Учитель. Г-нъ Руничъ хвалилъ его, даже благодарилъ, сколько можно припомнить, за первое, но винилъ за послѣднее и совѣтовалъ молчать о томъ, что онъ учился у Германа.

Потомъ читалъ свое мнѣніе Щегловъ (которому обѣщана каѳедра Физики и, сверхъ того, также знаки отличія). Удивительно, съ какимъ отчаяннымъ хладнокровіемъ сей молодой человѣкъ произносилъ рѣшительной приговоръ въ такомъ дѣлѣ, котораго онъ совершенно не разумѣлъ, и которое даже по виду не было еще доказано, осуждая безусловно обвиняемыхъ Профессоровъ вообще, полагая ихъ совершенно не заслуживающими никакой довѣренности и, что еще ужаснѣе, ссылаясь на всѣ, известные ему (Щеглову), какіе-то законы, какъ будто есть такие законы, по коимъ можно осудить безъ суда и правы! Съ какимъ ожесточенiemъ упоминалъ онъ о Раупахѣ, называлъ его поступокъ (Раупахъ, какъ замѣчено выше, по входѣ въ Присутствіе сѣлъ на стулъ) возмутительнымъ, полагалъ его безнадежнымъ и проч. Къ поведенію Германа и Щегловъ былъ снисходительнѣе, говоря, что онъ, впрочемъ, человѣкъ доброй — качеству, которое по дѣлу не могло служить Герману въ пользу.

«Браво! Прекрасно! Безподобно!» повторялъ Г-нъ Руничъ, прерывая его въ чтеніи. «Вотъ каковы должны быть мнѣнія! Господа! я напередъ объявляю, что я мнѣнія Г-на

Щеглова. Я очень радъ, Г-нъ Щегловъ, что Вы имѣете такую твердость; я почти не сомнѣвался... и т. п. Г-нъ Кавелинъ улыбался; некоторые изъ Членовъ ему въ томъ подражали; прочіе поражены были изумленіемъ и негодованіемъ.

Но когда, въ слѣдъ за тѣмъ, Адъюнктъ - Поповъ и потомъ Профессоры Дегуроръ и Толиачевъ (коимъ всѣмъ также обѣщаны награды и знаки отличія) начали читать свои мнѣнія такого же содержанія и въ такомъ же духѣ и тонѣ, то сіе справедливое негодованіе возрасло до того, что прочіе опять поражены были до слезъ; Профессору же Балугьянскому сдѣлался роль обморока, и онъ принужденъ былъ встать съ своего мѣста.

Прочіе Профессоры: Плисовъ, Ржевскій, Вишневскій, Шармуа, Деманжъ, Чижовъ, Грефе, Балугянскій и Лодій, также Директоръ Училищъ Тимковскій и Адъюнктъ Радловъ, не признавая по такому производству дѣла обвиняемыхъ Профессоровъ ни виновными, ни невинными, и принуждены будучи дать свое мнѣніе о самомъ обвиненіи, то есть, о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ Исправляющій должностъ Попечителя писалъ въ своемъ представлении Г-ну Министру, и о тѣхъ вопросныхъ пунктахъ и выпискахъ, кои присланы изъ Главнаго Правленія Училищъ, отвѣчали, въ письменныхъ своихъ мнѣніяхъ, почти единогласно, что, «судя по симъ выпискамъ, ученіе, въ оныхъ содержащееся, безъ всякаго сомнѣнія, подлежитъ, и подлежало бы, отверженію;» иные прибавили, что «такое ученіе (какъ ученіе) было бы ужасно, не могло бы быть терпимо ни въ какомъ, ни публичномъ, ни приватномъ, заведеніи, и что тотъ, кто преподавалъ бы такое ученіе, не заслуживалъ бы ни какого довѣрія.» Иные писали особыя мнѣнія, въ коихъ требовали предоставить Профессорамъ Герману и Раупаху всѣ законные средства и способы къ ихъ оправданію.

Между тѣмъ готовилось другое явленіе, важное и вмѣсть забавное.

Профессоръ Шармуа, въ письменномъ своемъ мнѣніи на сей вопросъ, между прочимъ, сказалъ: «Je ne me trouve pas en compрéhension d'y r茅pondre.»

Надлежало видѣть, а описать, или представить себѣ, не возможно, того ужаснаго ожесточенія, съ какимъ Г-нъ Руничъ устроился на Профессора Шармуа по одному только, явному съ своей стороны, недоразумѣнію сихъ словъ, понимая изъ оныхъ, яко бы Профессоръ Шармуа, посредствомъ оныхъ, оспаривалъ его Президентское право предлагать вопросы. Г-нъ Кавелинъ старался схватить сіе письменное мнѣніе Профессора Шармуа и вырвать оное изъ рукъ, но Шармуа самъ подалъ оное добровольно Г-ну Руничу, который читалъ, перечитывалъ и остался въ прежнемъ недоразумѣніи, или, по крайней мѣрѣ, съ намѣреніемъ оное обнаруживаль. Профессоры: Балугьянскій, Грефе, Лодій и нѣкоторые другіе старались его освободить отъ онаго, но сіи старанія остались тщетны, потому что Г-нъ Руничъ и Кавелинъ не только не давали никому произнести ни одного слова, но и заглушали всякаго крикомъ, которой проникалъ сквозь каменные своды къ живущимъ вверху, которой внятно было слышанъ Студентами (всѣ Студенты вообще были заперты въ своихъ комнатахъ) въ ближнихъ комнатахъ, отдѣляемыхъ отъ Собрания камерою и коридоромъ.

Г-нъ Руничъ кричалъ, что Шармуа, отвѣчая такимъ образомъ, не только оспариваетъ права его, яко Президента, но не признаетъ, слѣдовательно, законности ни Собранія, ни предписанія Министра, а слѣдовательно, противится и Верховной Власти. Потомъ, хвавляясь своими предками, заслугами и достоинствами по качеству Члена Главнаго Правленія Училищъ, Попечителя и Президента, онъ продолжалъ ругать Профессора Шармуа всяческими язвительными, поносными и укорительными, словами, называя себя сыномъ отечества, вѣрнымъ подданнымъ Государю, истиннымъ Христіаниномъ, а Профессора Шармуа — пришлецомъ, чадомъ революціи, выходцемъ изъ отечества Маратовъ и Робеспьевъ, бунтовщикомъ, Государственнымъ измѣнникомъ, вторымъ Раупахомъ, некрещеннымъ и т. п. «Vous n'êtes pas baptisé, vous êtes enfant de la révolution, vous êtes sorti du pays «des Marats et des Robespier, vous êtes rebelle, c'est une rebellion, «incendie etc.»

Профессоръ Шармуа отвѣчалъ, съ свойственюю ему откровенностию, скромностию и благородствомъ (кои, однако жъ, Гг.

Руничъ и Кавелинъ почитали замѣшательствомъ и трусостію), что онъ ни чѣмъ не заслужилъ такихъ упрековъ, что гибель Его Превосходительства основывается на собственномъ его недоразумѣніи, что ему и на мысль не приходило оспаривать его права. Гг. Руничъ и Кавелинъ прерывали его прежними укорительными выраженіями; даже молодость его, какъ Профессора, причтена ему была въ укоръ. Шармуа клялся, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго побужденія, ни повода, ни намѣренія, оспаривать чьи либо права; но самая клятва его обращена Гг. Руничемъ и Кавелинъ въ смѣхъ, а между тѣмъ, вѣроятно, самыя слова: «чьи либо права,» произнесенные Профессоромъ Шармуа, подали Г-шу Руничу новую мысль. «Вы нарушили права цѣлаго Собрания, которое, въ лицѣ моемъ, обижается, и должно обижаться», сказаль онъ, и вдругъ, вопреки всякому порядку и законамъ, именно же вопреки Указу 31-го Декабря, 1765 года, Отдѣленіе 2-е, въ которомъ нарочито выражено: «Никому отнюдь не отступать отъ самой точности предписанныхъ въ Генеральномъ Регламентѣ всѣмъ Членамъ должностей, и чрезъ выступленіе изъ предѣловъ своего званія не наносить одному противъ другого раздраженій и шартикулярныхъ неудовольствій и недоброжелательства, дабы чрезъ то не заходить другъ противъ друга въ недѣльные голоса, а потомъ и въ персональные протесты, чѣмъ единственно не только дѣламъ, но и самимъ мѣстамъ разрушеніе причиняется;» вдругъ Г-нъ Руничъ обращается къ Собранию съ двусмысленными, условными и неопределенными, какъ и прежде въ общемъ дѣлѣ, вопросами и, не давая никому опомниться отъ изумленія, требуетъ на оные мѣнія Собрания, надѣясь чрезъ то уловить всякаго.

Первый, предложенный имъ вопросъ, состоялъ въ томъ: «Позволительно ли Профессору Шармуа оспаривать права Президента, или смѣетъ ли онъ то дѣлать?»

Всѣ единогласно отвѣчали, что «непозволительно, не смѣеть», разумѣя, какъ само по себѣ слѣдуетъ, то, что Президентскихъ правъ вообще никто оспаривать не смѣеть, и что если бы кто осмѣялся сдѣлать то, то это былъ бы поступокъ непозволительный. Вопросъ и отвѣтъ, по приказанію Г-на Руница, записаны Плисовымъ на особомъ листѣ. Въ слѣдь за тѣмъ Г-нъ Руничъ велѣлъ писать другой вопросъ: «Какий почитаетъ Кон-

ференція поступокъ Шармуа, и чего онъ достоенъ?» Всѣ приниались писать мнѣнія. Профессоры: Балугьянскій, Грефе и Деманжъ пытались остановить, непріятное, соблазнъ подающее и найменѣе Г-ну Руничу дѣлающее чести, явленіе, но Г-нъ Руничъ, вмѣстѣ съ Г-мъ Кавелинымъ, не внимали ни какимъ представлѣніямъ, продолжали ругать Профессора Шармуа и увѣрять, что вся Конференція должна обижаться его поступкомъ. При семъ Г-нъ Руничъ забылся до того, что, между прочимъ, сказалъ: «Не уже ли почитаете меня мальчишкою (*un polisson*)?»

Тутъ Профессоръ Дегуровъ, заботясь о чести Г. Руница бѣсѣ, нежелій о своей собственной, и сидя подъ Профессора Шармуа, началъ говорить ему нѣчто на ухо, а потомъ, обратясь къ Г-ну Руничу, сказалъ, что Профессоръ Шармуа согласится прощенья. Г-нъ Руничъ догадался. Шармуа молчалъ и не изъявлялъ ни малѣшаго желанія то сдѣлать. Г-нъ Кавелинъ началъ вынуждать его просить прощенія, угрожая ему, въ противномъ случаѣ, всѣми бѣдствіями суда по формѣ; но Шармуа продолжалъ молчать. Тогда Г-нъ Руничъ, съ своей стороны, началъ говорить гораздо спокойнѣе, однако жъ показывать, что простить Шармуа не можетъ. «Какъ Руничъ, какъ Христіянинъ, сказалъ онъ, я бы охотно простила, но какъ Президентъ, въ лицѣ коего Шармуа обидѣлъ все Собрание, не могу простить.»

Тутъ Шармуа, безъ дальнѣйшаго затрудненія, всталъ и, обратясь къ Членамъ Собрания, произнесъ слѣдующія слова: «Если Вы, Милостивые Государи, обижаетесь моимъ какимъ либо неумышленнымъ поступкомъ, то я покорнѣйше прошу простить меня.» Всѣ Члены изъявили чистосердечное согласіе. Съ примѣтною радостію схватилъ Г-нъ Руничъ всѣ бумаги: мнѣнія Членовъ о томъ, смѣеть ли Шармуа (или кто либо другой) оспаривать права Президента; мнѣнія по другому вопросу, и самое мнѣніе Шармуа на общій, предложенный Г-мъ Руничемъ, вопросъ о Профессорахъ Германѣ и Раупахѣ, и—изорвалъ тутъ же.

Все сіе странное явленіе относительно Профессора Шармуа, за выключеніемъ мѣста, въ которомъ оно происходило, ужасныхъ словъ, Г-мъ Руничемъ произнесенныхъ, и тяжкой обиды, Профессору Шармуа чрезъ то причиненной, походило на театральное.

Между тѣмъ Профессоръ Балугьянскій, который во все продолженіе дѣла, при подобныхъ случаяхъ, не скрывалъ знаковъ изумленія, и при напасти, претерпѣнной Профессоромъ Шармуа, явно обнаруживалъ оные, началъ читать свое мнѣніе на общій, предложенный Г-мъ Руничемъ, вопросъ: «Судя по выпискамъ, присланнымъ отъ Главнаго Училищъ Правленія, какого мнѣнія Конференція о подобномъ учении и проч.?» — «Ученіе, предложенное въ сихъ выпискахъ, сказалъ Г-нъ Балугьянскій въ своемъ мнѣніи, ужасно и не можетъ быть терпимо ни въ какомъ, ни публичномъ, ни приватномъ, заведеніи. Профессоры, кои преподавали бы такое ученіе, были бы недостойны ни какого довѣрія отъ Правительства.»

Всѣ Члены Собранія удивились, когда услышали, что самъ Г-нъ Руничъ, который, какъ замѣчено выше, вопреки всякому порядку и закону, не въ очередь и слишкомъ еще рано, присталъ къ найпричастнѣйшему мнѣнію Щеглова, самъ Руничъ, а выѣхѣть съ пимъ (сколько помнить можно) и Г-нъ Кавелинъ и Зябловскій, пристали безусловно къ сему, поданному Балугьянскимъ, условному мнѣнію, которое, какъ отвѣтъ на общее предложеніе, до обвиняемыхъ Профессоровъ Германа и Раупаха, не касалось. Причина такой перемѣны въ Г-нѣ Руничѣ и снисхожденія къ Г-ну Балугянскому, которому онъ, въ слѣдь за тѣмъ, началъ расточать свои лакательства, подразумѣвалась изъ словъ и поступковъ Г-на Рунича въ отношеніи къ Профессору Шармуа, и прежде еще къ Профессору Раупаху.

Но какимъ же поражены были негодованіемъ Члены Конференціи, когда на другой же день Исправляющей должность Конференцъ-Секретаря, Профессоръ Плисовъ, объявилъ Г-ну Балугьянскому, что Г-нъ Кавелинъ на дому у себя сдѣлалъ подлогъ въ семь его мнѣній, вымаравши въ переводѣ онаго условную частицу бы и заставивши его, Плисова, переписать переводъ сего мнѣнія въ такомъ видѣ на особой листѣ. При чтенії Журнала (который составлялъ не Плисовъ, а самъ Кавелинъ), въ Собраниі 7-го Ноября, это въ самомъ дѣлѣ обнаружилось.

Напослѣдокъ, когда всѣ уже Члены были совершенно изнурены и измучены и тѣломъ и духомъ, въ продолженіи одиннад-

цати часовъ безпрерывнаго на одномъ мѣстѣ сидѣнія въ Собраниі, въ которомъ умышленной, но явной, обманѣ, противуздаконное обстоятельство, наглость и насилие злонамѣренныхъ не могли бытьдержаны однимъ изумлениемъ, ужасомъ и смятенiemъ Членовъ благомыслящихъ. Засѣданіе кончилось въ 9-ть часовъ по полуночи.

◆

На другой день, въ 10 часовъ утра, назначено другое Собрание, для производства дѣла Галича и Арсеньева.

Г-нъ Кавелинъ взялъ съ собою всѣ бумаги и приказалъ Плисову на другой день, по утру, явиться къ нему на домъ, въ 6-ть часовъ, для приведенія въ порядокъ бумагъ и составленія журнала.

Предъ Собраниемъ 4-го Ноября.

На другой день предъ Собраниемъ узнали, что бумаги не приведены еще въ порядокъ и журналъ Чрезвычайного Собрания, 3-го Ноября, еще не составленъ.

Професоръ Плисовъ тогда же открылъ пѣкоторымъ по довѣрности, что Г-нъ Кавелинъ у себя на дому дѣмалъ ему какіе-то непонятные намеки и увѣщанія въ выраженіяхъ аллегорическихъ и мистическихъ; что онъ говорилъ о Вавилонскихъ башняхъ, кои должны разсыпаться; поощрялъ его (Плисова) къ мужеству; подтверждалъ не обращаться вспять, чтобы не сдѣлаться Лотовою женою и т. п.; что, приведенъ будучи въ замѣшательство, онъ самъ не понималъ, къ чему сіи увѣщанія Г-на Кавелина клонятся; ибо, какъ известно, съ Галичемъ и Арсеньевымъ самъ Кавелинъ намѣревался поступить гораздо спокойнѣе, нежели съ Германомъ и Рауцахомъ, и для того приглашалъ ихъ предварительно къ себѣ, а Галича, сверхъ того, и чрезъ предварительные переговоры (посредствомъ самого Плисова, чего, однако жъ, сей не исполнилъ) обращалъ къ тому, чтобы онъ не былъ философомъ.

Такимъ образомъ, какъ Профессоръ Плисовъ, такъ и тѣ, комъ онъ дѣмалъ сію довѣрность, не понимали, къ чему онъя увѣщанія Г. Кавелина относятся.

Въ послѣдствіи изъ теченія дѣмъ открылось явно, что сіи увѣщанія Г. Кавелина клонились къ тому, чтобы онъ, Плисовъ,

по должности Конференцъ-Секретаря покрылъ въ журналѣ тѣ подлоги, кои въ Засѣданіи 3-го Ноября ими уже сдѣланы и согласился на тѣ, кои они (Руничъ и Кавелинъ) намѣревались еще сдѣлать. Опытъ доказалъ, сколь мало Плисовъ расположень былъ слѣдоватъ симъ преступнымъ виновеніямъ, гнушаясь пагубными совѣтами, подъ какою бы личною онъе ни укрывалась.

Между тѣмъ, до времени прибытія Членовъ въ назначенное Собрание, 4-го Ноября, когда Плисовъ, въ прилежащей къ Канцеляріи аудиторіи, съ Канцелярскими служителями приводилъ въ порядокъ привезенные Г. Кавелинымъ бумаги вчерашняго Собрания, Толмачевъ, который находился тутъ же, занимаясь сочиненіемъ вымысловъ на поведеніе въ Собраниі Профессора Раупаха, и не зная еще, въ какомъ превратномъ отношеніи подѣйствовали на Профессора Плисова намеки и наставленія Г. Кавелина, обратился къ нему съ вопросомъ, въ какомъ порядкѣ Члены подаютъ голоса? Плисовъ показалъ ему списокъ, начиная съ Адъюнкта Радлова.

«Радловъ Нѣмецъ, съ тѣмъ нечего дѣлать,» сказалъ Толмачевъ; «я пойду прямо къ Русскимъ. — «А за тѣмъ, если съмѣю спросить?» возразилъ Плисовъ.

— «Скажу, чтобы не разбивались въ голосахъ; я какъ «загартую, то такъ и пойдетъ», отвѣчалъ Толмачевъ съ безстыдною довѣренностю и при всѣхъ, тутъ находившихся, Канцелярскихъ служителяхъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ подходилъ тутъ же къ Рогову, Попову и Щеглову и давалъ имъ шепотомъ какіе-то совѣты и наставленія. Слово «загартую,» употребленное симъ Профессоромъ Россійскаго Краснорѣчія, не всякий изъ слышавшихъ разумѣлъ, но его намѣреніе было не только понятно изъ словъ, но и очевидно изъ дѣйствія.

Профессоръ Шармуа приспалъ свидѣтельство Доктора о своей болѣзни.

Профессоръ Чижовъ объявилъ, что Профессоръ Соловьевъ находится даже въ опасности жизни, и что вчерашнее Собрание до того разстроило тѣлесныя, а еще болѣе душевныя, силы Г. Соловьева, что онъ тогда же лишился даже памяти, и вышедши изъ Собрания ночью, вместо того, чтобы ити домой, въ 6-ю Ли-

нію, очутился въ Коломиѣ, самъ про то ни чего не зналъ, а бывъ приведенъ на свою квартиру матросами, впалъ въ чрезвычайное разслабленіе тѣлесное и душевное.

Междудѣмъ собрались Члены.

Засѣданіе 4-го Ноября.

Началось въ 11-ть часовъ утра.

Если не по важности, то, по крайней мѣрѣ, по чрезвычайности происшествій и разнообразности явлений, сіе Засѣданіе не уступаетъ ни мало предшествовавшему. Тѣ же приемы со стороны Гг. Руничча и Кавелина, тѣ же извороты и увертки, но только гораздо безпритворнѣе, и хотя цѣль была та же, но средства различны. Самый уже приступъ показывалъ шѣкую несомнѣнную увѣренность со стороны того и другаго въ томъ, что цѣль будетъ достигнута.

Г. Руничъ читалъ заготовленные, въ Главномъ Правлениі Училищъ, для отвѣтовъ Галича, вопросные пункты (обвиненіе въ невѣріи, безбожіи, разрушительныхъ правилахъ и пр.), а Г. Кавелинъ читалъ въ то же время изъ книги Галича «Исторіи Философскихъ системъ», выписанныя доказательства на оные пункты. Всѣ сіи доказательства, за исключеніемъ, развѣ, тѣхъ мѣсть, кои не для всякаго понятны, могли бы приличнѣе служить доказательствомъ той истинѣ, что нѣтъ въ свѣтѣ ни чего столь невиннаго, чтобъ не могло быть обращено въ вину, или даже въ преступленіе.

Галичъ излагалъ въ своихъ книгахъ системы всѣхъ знатнѣшихъ, древнихъ и новыхъ, философовъ въ историческомъ видѣ и не прибавляя своего ни одного слова. Сіи системы и мнѣнія мѣстами повыписаны изъ его книги и поставлены ему въ преступленіе. Дѣя въ состоянії было, сообразя обстоятельства, оправдаться на мѣстѣ Галича.

Нѣкоторые изъ Членовъ Конференціи осмѣялись замѣтить и говорили, что Галичъ не можетъ подвергнуться отвѣтственности

за мнѣнія людей, коихъ иѣсколько уже тысячъ лѣтъ, какъ иѣтъ на свѣтъ, даже и въ томъ случаѣ, когда бы доказано было, что сіи мнѣнія ложны; что, обязанъ будучи рассказывать и излагать сіи чужія мнѣнія, онъ погрѣшилъ бы противъ исторической вѣрности, если бы позволилъ себѣ какую либо въ оныхъ перемѣну; что печатная книга Галича, пропущенная въ Цензурѣ, служить уже доказательствомъ, что въ ней не нашли ни чего противнаго.

Всѣ таковыи представлениа были тщетны. Г. Руничъ не понималъ оныхъ, или, по крайней мѣрѣ, притворялся, что не понимаетъ. Онъ упрекалъ Галича въ томъ, что онъ въ своей книгѣ не опровергаетъ сихъ системъ, кои, впрочемъ, частію сами себя, а частію взаимно, одна другую опровергаютъ, какъ то ясно и въ книгѣ Галича представлено. Г. Руничъ уподоблялъ сію книгу тлетворному яду, или заряженными пистолетами, положенными среди играющихъ дѣтей, либо дикихъ, не знающихъ употребленія огнестрѣльного оружія. Но сіе сравненіе, придуманное, вѣроятно, прежде, не шло ни мало къ книгѣ Галича, по которой онъ читалъ лекціи въ Университетѣ Студентамъ, прослушавшимъ уже курсъ Философіи; дѣти же и дикие, подъ именемъ коихъ неизвѣстно кого разумѣлись Г. Руничъ, хотя въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ понятія о такомъ огнестрѣльномъ оружіи, которому уподоблялась Г. Руничемъ книга Галича, но самое сіе незнаніе спасеть ихъ и отъ предполагаемаго имъ злоупотребленія.

Но изъ собственныхъ объясненій Г. Руница оказалось, что онъ самъ себя даже ставить въ семъ отношеніи въ числѣ оныхъ дѣтей, или дикихъ, хотя то съ иѣкоторою оговоркою; ибо, говоря о мнѣмъ соблазнѣ, къ которому, по его мнѣнію, книга Галича подаетъ поводъ, произнесъ онъ торжественно:

«Я самъ, если бы не былъ истиннымъ Христіяниномъ и если бы благодать свыше меня не осѣяла, я самъ не отвѣчаю за свое пополнование при чтеніи книги Галича.» (Сіи достопамятныя и въ другомъ отношеніи слова иѣкоторыми изъ Членовъ Конференціи тогда же записаны.)

Между тѣмъ Галичъ позванъ въ Присутствіе. Г. Руничъ тотчасъ обратился къ нему съ назидательнымъ, но слишкомъ длиннымъ и частію неприличнымъ, увещаніемъ, въ выраженіяхъ чрез-

вычайно странныхъ. Поводомъ къ такому увѣщанію, какъ изъ са-
мыхъ словъ Г. Руничъ заключалось, было то, что Галичъ Рус-
скій. И какихъ ругательствъ не говорилъ онъ при семъ случаѣ
на счетъ всѣхъ иностранцевъ, въ Россіи пребывающихъ, а особ-
ливо замѣчая, что нѣкоторые изъ Членовъ Конференціи родомъ
иностранцы, до которыхъ, слѣдовательно, сіи ругательства непо-
средственно касались, опытами обиждались. Потомъ, между ласковыхъ
словъ, дѣмая Галичу горькіе упреки въ мнимой его неблагодарно-
сти къ мѣсту, въ которомъ онъ (Галичъ) самъ воспитанъ, къ Оте-
честву, къ Богу и къ Государю, и обвиняя его въ невѣріи, въ
безбожії, въ святотатственномъ нападеніи на божественность От-
кровенія, и т. п., Г. Руничъ, между прочимъ, сказалъ:

«Вы явно предпочитаете Язычество Христіянству,
«распутную Философію дѣственной нѣвѣсты, Христовой
«Церкви, безбожнаго Канта самому Христу, а Шеллинга и
«Духу Святому.» Не значило ли это въ попошеніе Галичу непо-
требно ругаться святышю, и при томъ въ Присутственномъ Мѣстѣ
и при зерцалѣ! «Подите, сказалъ цаконецъ Г. Руничъ Галичу,
«и напишите отвѣтъ, достойный Васъ, достойный Праги-
«тельства, по повелѣнію коего Вы сюда призваны, нако-
«нецъ достойный той довѣренности, которую оно можетъ
«впередь имѣть къ Вамъ!» Галичъ вышелъ въ особую комнату съ
Адъюнктомъ Роговымъ, а между тѣмъ призванъ въ Присутствіе
Адъюнкта-Професора Арсеньевъ.

Г. Руничъ обратился къ нему также съ увѣщаніями, подобно
какъ и къ Галичу, но только какъ бы для виду, собственю же
для того, чтобы носіѣ тѣмъ съ большими ожесточеніемъ устрем-
иться на него съ ругательствами и злословіемъ. Когда Г. Руничъ запинался, то Г. Кавелинъ договаривалъ язвительныя сло-
ва, а когда тотъ уже, такъ сказать, почти задыхался, то сей за-
ступалъ его мѣсто. Кроме обвиненій по вопросамъ пунктамъ, на
кои подлежало отвѣтчать Арсеньеву, кроме упрековъ въ мнимой
неблагодарности къ Богу, къ Государю и Отечеству, Арсеньевъ
долженъ быть еще слушать, какъ его злословять въ глаза, на-
зываю певѣжею, глупцомъ и пр. Руничъ, ошибаясь въ пра-
вилахъ чести и границахъ благопристойности, и не стыдясь
ни какихъ вымысловъ, забывался даже до того, что, при чтеніи

одной изъ обвинительныхъ статей на счетъ крѣпостнаго состоянія, сказаъ: «Вы сами, Г. Арсеньевъ, весьма еще недавно вышли изъ крѣпостнаго званія.»

Причиною таковаго ожесточенія Гг. Рунича и Кавелина противу Арсеньева (какъ самъ Г. Кавелинъ въ тотъ же день, въ вечеру, у себя на дому, и въ присутствіи Профессора Плісова, Толмачева и иѣкоторыхъ Капцелярскихъ служителей, признался) было то, что Арсеньевъ, который, какъ тогда же говорилъ Кавелинъ, обвинялся только за компанію Герману, презрѣлъ многократныя его (Кавелина) приглашенія къ себѣ на дому, при которыхъ могъ бы въ томъ увѣриться и знать, какъ себя вести. Я таки «и не надѣялся на него», прибавилъ тогда же Г. Кавелинъ, а особъ «ливо съ тѣхъ порь, какъ онъ, глупецъ, не соображая ни мало временныхъ обстоятельствъ, бросился — и къ кому же? — къ Великому Князю!..

Послѣ браніи, злословія и ругательствъ, Арсеньеву читаны были Г. Руничемъ Вопросные пункты, а Г. Кавелинъмъ выписаны изъ печатной книги, изданной Арсеньевымъ, а въ добавокъ изъ записокъ и замѣчаній (сдѣланныхъ однѣми, или иѣкоторыми?) изъ воспитанниковъ Пансіона по предмету Статистики, преподаваемой въ ономъ Арсеньевымъ.

Арсеньевъ объявлялъ и прежде, а теперь подтверждалъ то же, что онъ никогда не давалъ воспитанникамъ въ запискахъ ни одного слова; что онъ не отвѣчаетъ за тѣ слова и выраженія, въ коихъ кто либо изъ воспитанниковъ Пансіона сачъ, можетъ быть, изъ шалости (а можетъ быть еще и по наущенію), дѣлалъ свои замѣчанія; что онъ теорію Статистики преподавалъ по печатной книгѣ Профессора Германа, изданной въ 1807 году отъ Главнаго Правленія Училищъ и одобренной Правительствомъ.

«Это не послужить Вамъ въ оправданіе, прервалъ его Г. Руничъ, что книга напечатана и одобрена отъ Правительства; «тогда было время, а теперь другое.» При семъ рассказалъ Г. Руничъ, что Главное Правленіе Училищъ препоручило своему Ученому Комитету разсмотрѣть всѣ прежде напечатанныя и одобрен-

ныя книги; что теперь уже 18 разныхъ сочиненій, изданныхъ и одобренныхъ отъ прежняго Главнаго Правленія Училищъ, усмотрѣны (въ два дня (!), сколько изъ его словъ помнить можно) предосудительными, развратными и пр., и скоро будуть осуждены на истребленіе!

«До Васъ доберутся тутъ же,» сказалъ онъ, сидящему по лѣвой къ нему сторону, Директору Училищъ и Цензору Тимковскому. «Много мнѣ предлежитъ хлопотъ, продолжалъ онъ, но моя ревность все преодолѣетъ!»

Горе книгамъ, а особенно одобреннымъ отъ прежняго Главнаго Правленія Училищъ, думалъ всякий изъ Членовъ Собранія въ то время, когда нѣкоторые изъявляли сожалѣніе только на счетъ хлопотъ и трудовъ, подъемлемыхъ Г. Руничемъ.

Арсеньевъ продолжалъ свое объясненіе и говорилъ дальше, что Статистику Европейскихъ Государствъ проходилъ онъ по порядку статей, изложенныхъ въ оной теоріи, заимствуя материалы изъ разныхъ иностранныхъ Статистическихъ сочиненій, а Статистику Россійского Государства читалъ онъ по своей собственной печатной книгѣ, съ утвержденія и одобренія самого Директора Пансіона, Г. Кавелина. «Грѣшень, Ваше Превосходительство, сказалъ Г. Кавелинъ; признаюсь, что я прежде одобрилъ и утвердилъ въ руководство для преподаванія въ Пансіонѣ Статистики печатную книгу Г. Арсеньева; но по пей же читать Статистику и въ Лицѣ и въ Благородномъ онаго Пансіонѣ. Однако жь это Вамъ не извиненіе, Г. Арсеньевъ, продолжалъ онъ; теперь это мое прежнее одобрение Вашей книги не у мѣста, и я теперь же беру оное назадъ.»

При чтеніи Арсеньеву вопросныхъ обвинительныхъ пунктовъ и приводимыхъ изъ его печатной книги доказательствъ, замѣчено только то, что оные обвинительные пункты для Арсеньева, вероятно, заготовлены еще прежде, нежели книгу Арсеньева читали и искали въ ней и думали найти соответствующія онымъ доказательства.

Припомнить всѣ сіи пункты и въ порядке изложить тѣмъ труднѣе, что они читаны насконо и какъ бы мимоходомъ; одна-

ко жь вообще можно сказать, что не было ни одного такого обвиненія въ оныхъ пунктахъ, которому бы соотвѣтствовало доказательство.

На примѣръ, вопросной пунктъ: «Что приведете Вы въ оправдание того, что дерзнули открывать величайшія Государственные тайны?»

«Послушайте, Михайло Андреевичъ, говорилъ Г. Руничъ Балугьянскому, самому Графу Гурьеву, вѣроятно, неизвѣстны тѣ «Государственные тайны, кои намъ Г. Арсеньевъ открываетъ. «Послушайте, Г. Плисовъ, это и до Васъ также касается по части «преподаванія Финансовъ.»

Г. Кавелинъ, понизя тонъ, дрожащимъ голосомъ и съ притворнымъ страхомъ, читалъ изъ выписокъ, присланныхъ отъ Главнаго Правленія Училищъ, доказательство на сіе обвиненіе Арсеньева въ открытіи Государственныхъ тайнъ. Это было то самое мѣсто въ книгѣ Арсеньева, въ которомъ онъ говоритъ о суммѣ выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій, основывая Статистическія сіи извѣстія не только на публичныхъ актахъ, но и на Всемилостивѣйшихъ Манифестахъ, изданныхъ во всенародное извѣстіе. Слѣдовательно, это были такія Государственные тайны, кои извѣстны всемъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Профессоры Балугянскій и Плисовъ, къ которымъ въ особенности обращалъ рѣчъ Г. Руничъ, не упустили ему то замѣтить; Г-нъ Руничъ молчалъ, прочие изъявляли знаки удивленія,

Въ самомъ дѣлѣ удивительно, какъ Главное Правленіе Училищъ, въ которомъ, какъ многократно говорилъ и писалъ Г. Руничъ, выписки вредныхъ мѣстъ изъ тетрадей и книгъ обвиняемыхъ Профессоровъ сданы, свѣрены, просмотрѣны, и по онымъ вопросные пункты заготовлены, какъ Главное Правленіе Училищъ Высочайшіе Манифесты и публичные акты, во всенародное извѣстіе объявленные, назвало величайшее Государственною тайною.

Такого же рода были и другія обвиненія, на которыхъ, по вопроснымъ пунктамъ, требовались отвѣты отъ Арсеньева. Онъ,

на примѣръ, говоритъ о безопасности и о свободѣ промышленности, какъ о средствахъ къ достижению цвѣтущаго состоянія оной, какъ о главнѣйшемъ правилахъ управлениія оной, не только признанномъ въ теоріи, но и принятомъ на практикѣ въ нашемъ Отечествѣ, равно какъ и во всякомъ просвѣщенномъ Государствѣ; а по присланнѣемъ изъ Главнаго Правленія Училищъ вопроснымъ пунктамъ за сіе именно обвиняютъ его (Арсеньева) въ томъ, что онъ преподаетъ тѣмъ самымъ правила разрушительныя и низровергающія гражданскія и государственныя связи.

Арсеньевъ говоритъ въ своей книгѣ, что «свобода промышленниковъ и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ пріумноженіи богатства частнаго и народнаго; а вопросный особой пунктъ, на основаніи того, обвиняетъ его въ посыпаніи мѣрамъ этого Правительства, подъ благотворнымъ вліяніемъ коего онъ живеть и пользуется всѣми выгодами жизни.

Онъ говорить мимоходомъ о правленіи Наполеона; а вопроснымъ пунктомъ это примѣнено къ нашему Отечеству! И когда при чтеніи сего мѣста Профессоръ Плисовъ это замѣтилъ, то Г. Руничъ, упрекнувши его въ соумышленничествѣ, запретилъ тутъ же Арсеньеву писать то въ своихъ отвѣтахъ. Виноватъ ли Арсеньевъ, что бѣлое называютъ чернымъ, и можно ли запретить ему отвѣтывать, что бѣлое есть бѣлое, даже и послѣ того, когда другіе также думаютъ?

Наконецъ, послѣ многихъ неприличныхъ прицѣпокъ и прилирокъ Г-на Руница къ Профессору Балугянскому, который на неумѣстныя и выходящія изъ границъ благопристойности его щутки отвѣчалъ молчаніемъ, Арсеньевъ отпущенъ въ особую камеру, для составленія письменныхъ отвѣтовъ на вопросные пункты.

Не успѣлъ онъ выйти, какъ Адъюнктъ Роговъ принесъ письменный отвѣтъ Галича. Онъ состоялъ, сколько помнить можно, въ слѣдующихъ словахъ:

«Сознавая невозможность отвергнуть, или опровергнуть, предложенные мнѣ вопросные пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія.»

(Подписано) Галичъ.

По прочтениі сего отвѣта, Г-нъ Руничъ зарыдалъ. Ему последовали въ томъ и нѣкоторые изъ Членовъ.

Галичъ призванъ въ Присутствіе. «Послѣ сего, воскликнулъ Г-нъ Руничъ, могу ли я рѣшиться бросить на Васъ камень!» Онъ бросился обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича. Увлекаясь восторгомъ, онъ называлъ Галича «блуждающею овцою, оглашеннымъ, обращеннымъ, просвѣтившимся.» Увѣрялъ все Собраніе, что «обращеніе сie есть чудесное дѣйствіе благодати Божіей; что въ сию самую минуту благодать коснулась «его (Галича) сердца; что только слѣпотствующій умъ того не видитъ; что признаніе Галича относится къ славѣ Спасителя мира; что Пастырь овецъ подѣялъ его на рамена свои и несетъ «уже въ домъ Израилевъ.* Г-нъ Кавелинъ подтверждалъ сие видѣніе, и потомъ бросился также обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича. То же сдѣлалъ, въ свою очередь, и Г-нъ Зябловскій.

Всѣ Члены Собранія были чрезвычайно тронуты и приведены въ изумленіе.

Кто не жалѣлъ о бѣдномъ Галичѣ, который, двумя строками, поставилъ себя въ такое положеніе, что самъ Г-нъ Руничъ не могъ рѣшиться бросить на него (новый) камень!

Конечно, одинъ только Галичъ подтвердить можетъ, сколько подѣйствовали на него предварительныя увѣщанія Г-на Кавелина и угрозы, что онъ, Галичъ, въ противномъ случаѣ объявленъ будетъ съумасшедшимъ (какъ то Г-нъ Кавелинъ подтверждалъ ему не только чрезъ Плисова, который и въ семъ случаѣ не могъ выполнить препорученія, но и чрезъ Священника Павскаго, а, можетъ быть, и еще чрезъ многихъ другихъ); сколько подѣйствовало на него настоящее его положеніе, страшные упреки, произнесенные Г-мъ Руничемъ, и сколько внутреннее его сознаніе невинно-

* Всѣ сия странные выраженія слово въ слово записаны въ самоть Собранія нѣкоторыми изъ Членовъ; они содержатся также въ Донесеніи Г-на Рунича на имя Г-на Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія отъ 13-го Ноября, 1821, а частію также и въ Протоколѣ Собранія 4-го Ноября.

сти оспоривало наружное признаніе, которое къ тому еще и двусмысленно.

Въ самомъ дѣлѣ, восторгъ Г-на Руничка, изливаемый въ неистощимыхъ словахъ, выраженіяхъ и дѣйствіяхъ, вдругъ и внезапно превратился, такъ сказать, въ оцѣпенініе. Онъ умолкъ, бросалъ сомнительные и двусмысlenные взгляды то на Галича, то на Г-на Кавелина, который также молчалъ и отвѣчалъ только знаками, по-жимая плечами. Г-нъ Зибловскій начинай говорить, но (сколько помнить можно) не сказалъ ни чего.

Г-нъ Руничъ обратился потомъ къ Галичу:

«Любезный Александръ Ивановичъ! сказалъ онъ, перемѣня стонъ и съ примѣтнымъ неудовольствиемъ; «наружность можетъ быть обманчива. Чѣмъ бы, на примѣръ, могли Вы па опытѣ до-казать то, въ чёмъ настоящее положеніе Ваше подаетъ поводъ «сомнѣваться?»

Галичъ не отвѣчалъ ни слова. «Не согласились ли бы Вы, продолжалъ Г-нъ Руничъ, запечатлѣть свое признаніе тѣмъ, чтобы «издать вновь Вашу «Исторію системъ Философскихъ», и въ предисловіи къ оной торжественно описать Ваше обращеніе и «отреченіе отъ инимаго просвѣщенія, на лжеименитомъ разумѣ «основаннаго?»

Галичъ молчалъ. Г-нъ Руничъ задумался; читалъ и перечитывалъ отвѣтъ Галича; потомъ вдругъ принялъ прежній веселый видъ и съ прежнимъ восторгомъ, или, лучше сказать, съ новымъ восхищеніемъ обратился къ Собранію, которое уже приготовлялось услышать сообщеніе новаго видѣнія: «Но на что намъ другіе доводы? Самое уже сіе сознаніе Г-на Галича не явнымъ ли «служитъ доказательствомъ, что вредныя и опасныя ученія дѣйствительно были въ здѣшнемъ Университетѣ, а слѣдственно, и во всемъ Учебномъ Округѣ допущены? А сего уже и довольно; «а сего уже и довольно!» повторялъ онъ нѣсколько разъ и такимъ значительнымъ тономъ, что рѣдкій не могъ понять, что въ томъ только и состояла вся главная цѣль. «Пусть теперь усиливаются доказывать противное», прибавилъ онъ съ явною нескром-

ностію, которую тотчасъ Г-нъ Кавелинъ далъ ему замѣтить, прервавши торопливо его рѣчь.

Тутъ Г-нъ Руничъ обратился опять къ Галичу; говорилъ, что онъ долженъ непремѣнно получить прощеніе; что онъ самъ будеть о томъ ходатайствовать у Г-на Министра; что до будущаго опредѣленія рода ученыхъ занятій Галича онъ теперь же позабоится о новой для него должности. Наконецъ, Галичъ вышелъ изъ Присутствія. Въ слѣдъ за тѣмъ Арсеньевъ принесъ свои письменные отвѣты и подалъ оные Г. Руничу.

При первомъ взглядѣ на сіи отвѣты Г-на Рунича и Г. Кавелина, полились прежнія ругательства со стороны того и другаго на Арсеньева. Причина тому та, что Арсеньевъ въ оныхъ письменныхъ отвѣтахъ защищался и требовалъ законныхъ средствъ къ совершенному его оправданію. При чтеніи оныхъ Г. Руничъ коверкалъ слова, ломалъ языкъ, кривился, смѣялся и даже хохоталъ. Профессоръ Балугьянскій, къ которому онъ часто при томъ обращался, бросалъ на него значительные взгляды, коими старался выразить всю неприличность его поведенія. Г-нъ Руничъ пытался задобрить Г-на Балугянского ласковыми словами, а между тѣмъ кончилъ чтеніе отвѣтовъ Арсеньева и велѣлъ ему оставить Собраніе.

Въ слѣдъ за тѣмъ предложены отъ Г-на Рунича разные вопросы для мнѣнія Конференціи: «Удовлетворительны ли отвѣты Арсеньева (объ отвѣтѣ Галича не спрашивалось)? Могутъ ли печатныя книги: «Исторія Философскихъ системъ Галича» и «Статистика Россіи Арсеньева», быть употребляемы въ руководство къ преподованію? и наконецъ, заслуживаютъ ли Галичъ и Арсеньевъ, какъ наставники юношества, довѣренность Правительства?»

Какія на каждый изъ сихъ вопросъ были мнѣнія каждого порознь изъ Членовъ, припомнить трудно, по причинѣ произведенаго, вѣроятно, съ намѣреніемъ, Гг. Руничемъ, Кавелинъмъ и Зябловскимъ замѣшательства. Г. Кавелинъ занимался сочиненіемъ описанія на случай обращенія Галича, и выходилъ иѣсколько разъ изъ Присутствія; Г. Руничъ, пособляя ему, дѣлая то же; Г. Зяб-

ловскій искалъ Галича, чтобы переговорить съ нимъ; некоторые изъ Членовъ вставали съ своихъ мѣстъ и ходили взадъ и впередъ. По всемъ симъ причинамъ, припомнить мнѣнія каждого порознь Члена на предложенные о Галичѣ и Арсеньевѣ вопросы, трудно. При подписаніи же (съ 7-го на 8-е число Ноября, ночью и, такъ сказать, въ просопкахъ), составленного о томъ Г. Кавелинымъ по своему усмотрѣнію, Протокола, рѣдкій изъ Членовъ могъ обратить надлежащее на то вниманіе. Довольно, что по симъ частнымъ мнѣніямъ слѣдовало одно общее заключеніе: что отвѣтъ Арсеньева недостаточенъ, и, судя по времени и предоставленнымъ ему средствамъ къ тому, не могъ быть достаточенъ; что Галичъ и Арсеньевъ, какъ по своимъ познаніямъ, такъ и по нравственнымъ достоинствамъ, заслуживаютъ довѣрѣнность Правительства въ качествѣ наставниковъ юношества; шаконецъ, что даже и тогда, когда изданныя ими для руководства печатныя книги признаны будутъ негодными къ классическому употребленію, они могутъ преподавать лекціи по другимъ книгамъ, кои имъ будутъ предписаны въ руководство. Вотъ истинный смыслъ общаго мнѣнія, не смотря на несправедливые заключенія, выведенныя въ составленномъ отъ Г. Кавелина Протоколѣ и при чтеніи онаго замѣченія.

Между тѣмъ, въ продолженіе сего Засѣданія, Профессоръ Демажъ подалъ Г. Руничу бумагу, объявляя, что Профессоръ Шармуа препоручилъ ему представить оную Собранию.

Въ первый еще разъ увидѣло Собрание смятеніе и беспокойство того, который до сихъ поръ поминутно почти приводилъ въ беспокойство и смятеніе все Собрание. «Боже мой! Возможно ли это!» воскликнулъ шаконецъ Г. Руничъ, приподнявши листокъ и увидѣвшіи ясно, что это протестація Профессора Шармуа въ причиненной ему, вчерашній день въ Собраниі, тяжкой обидѣ.

«Милостивые Государи! продолжалъ онъ жалкимъ тономъ, «вотъ чѣмъ платитъ Шармуа за мое и Ваше снисхожденіе «къ его проступку! Онъ протестуетъ противу сего, моего и Вашего, снисхожденія, и когда же? Тогда, когда всѣ акты, доказывающіе проступокъ, по общему и единодушному Вашему «согласію, уничтожены! (Сравн. Засѣданіе 3-го Ноября).

Смущеніе Г. Руничъ возрасло до того, что онъ обращался пѣсколько разъ къ Деманжу, и ожидалъ, или даже спрашивалъ (сколько чѣкоторые помнятъ), не возьметъ ли онъ поданной имъ бумаги назадъ?

Въ намѣреніи ли отвесть новую грозу, или больше изъ жалости къ Г. Рупичу, Профессоры Балугьянскій и Грефе начали говорить, и предлагали: «не читать въ семъ Собраниі протеста Шармуа, а оставить до будущаго, и если Профессоръ Шармуа будетъ настоять въ томъ, чтобы дать дѣлу надлежащей ходъ, то тогда оно пойдетъ законнымъ порядкомъ.» Всѣ были согласны на сie представление. Г. Руничъ, оправясь отъ смятенія, въ которое привелъ его одинъ взглядъ на сию бумагу, началъ опять по прежнему ругать Профессора Шармуа. Профессоръ Балугьянскій посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, и онъ ограничился однимъ, произнесеннымъ имъ сквозь зубы, словомъ «мошенникъ», которымъ называлъ онъ Шармуа. Онъ обратился тотчасъ къ Профессорамъ Балугьянскому и Грефе, наговорилъ тому и другому множество ласковыхъ словъ на счетъ ихъ добродушія, благородства и проч. Упрашиван Балугянского оставаться служить въ Университетѣ съ пимъ вмѣстѣ, обѣщаю ему званіе Заслуженнаго и пр., и пр. Наконецъ разсудилъ запечатать протестъ Шармуа своею печатью и отдать для храненія Г. Балугьянскому.

Засѣданіе кончилось въ 4 часа по полудни. Назначено собраться 7-го числа, въ 6 часовъ по полудни, для подписанія Протоколовъ. Г. Кавелинъ взялъ съ собою всѣ бумаги и приказалъ Профессору Плисову явиться къ нему на домъ въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера, для составленія Протоколовъ.

Засѣданіе 7-го Ноября.

Началось въ 6-ть часовъ вечера.

Засѣданіе сie назначено единственно для подписанія Протоколовъ обоихъ предшествовавшихъ Собраний. Г. Руничъ привезъ оные въ своеемъ портфель, и Г. Кавелинъ желаетъ самъ оные читать въ Собраниі, говоря, что «ему знакомѣе рука писца, и что

онъ, сверхъ того, нѣсколько пособия Плісову при составлѣніи онъхъ.»

Професоръ Балугьянскій представилъ, отданную ему для храненія, запечатанную протестацію Профессора Шармуа съ полученнымъ тутъ же письмомъ сего послѣднаго и съ приложеніемъ при ономъ дополнительнымъ объясненіемъ. Въ слѣдъ за тѣмъ подана Г. Руничу такого же содержанія протестація Профессора Деманжа. Г. Руничъ хотя и сказалъ, что онъ все это предвидѣлъ, но между тѣмъ предварительное совѣщеніе съ Г. Кавелинъмъ, по содержанію сихъ протестовъ, считалъ для себя необходимымъ. А по тому чтеніе Протоколовъ поручено Профессору Плісову, только съ подтвержденіемъ читать поскорѣе и не останавливаясь.

При первой ореографической ошибкѣ Плісовъ нашелъ случай объявить, что «оба сіи Протоколы составлялъ не онъ.» Г. Кавелинъ сперва шуткою запирался въ томъ, что сіи Протоколы составлялъ онъ самъ; говорилъ, что онъ на сей разъ служилъ для Плісова писцомъ, и въ томъ только пособия ему, между тѣмъ вѣльъ Плісову продолжать чтеніе.

Послѣ предложеній Г. Министра, прописанныхъ въ Протоколѣ первого Засѣданія, слѣдовало самое производство дѣла по обвиненію Профессоровъ Германа и Раупаха. Плісовъ останавливался при чтеніи каждого обстоятельства, изложенного въ превратномъ смыслѣ, и наконецъ, не смотря на всѣ усиленія, съ какими Г. Кавелинъ старался, даже угрозами, ударять его, объявилъ, что «онъ ни мало не участвовалъ въ составленіи сихъ обоихъ Протоколовъ, и что, по тому самому, не отвѣчаетъ за подлоги, коими они наполнены.»

Г. Руничъ притворился, что ни чего про то не знаетъ, а Г. Кавелинъ едва могъ умѣрить то ожесточеніе, въ которое привело его сіе объявление Плісова; однако жъ, замѣчая, что оно не слѣдало большаго впечатлѣнія въ Членахъ Собрания (по тому что это было уже большую частію известно), Г. Кавелинъ наконецъ объявилъ, съ своей стороны, что Протоколы составлены Толмачевымъ подъ его надзоромъ, а сей и въ самомъ дѣлѣ подтвердилъ это.

Г. Руничъ началъ изъявлять Г. Кавелину свою благодарность, выхвалять его ревность и усердіе къ общему благу, уверять его въ признательности цѣлаго Собрания, и прочія тому подобныя дѣлать учтивости, и при томъ въ такихъ выраженіяхъ, въ коихъ всякъ разумѣлъ нѣкоторый родъ иронического оборота, а наконецъ и самъ Г. Кавелинъ старался отклонять двусмысличество оныхъ.

Потомъ величи Писову продолжать чтеніе, но съ прежнимъ подтвержденіемъ: поскорѣе и не останавливаясь, по тому, какъ говорилъ Г. Руничъ, что время въ самомъ дѣлѣ дорого. «Я не выйду изъ Собрания, привѣтилъ онъ, прежде нежели мы это «совершенно кончимъ, а потомъ отправимъ еще Французовъ» (указывая на протесты Профессоровъ Шармуа и Деманжа). Тутъ говорилъ онъ о безобразныхъ явленіяхъ, происходившихъ въ прежнихъ Засѣданіяхъ; о томъ, что сіи явленія повторяться не могутъ и не должны, что онъ уже усталъ.... Но всѣ сіи напоминанія и самый тонъ, съ которыми они произнесены, возобновля въ памяти каждого тѣ по истинѣ безобразная явленія, кои всякъ по чистой совѣсти могъ относить только къ самому Г. Руничу, тѣмъ менѣе еще оставляли надежды вѣрить, что сіи безобразные явленія отъ Г. Рунича повторяться теперь не могутъ и не должны, а усталости его въ подобныхъ случаяхъ никто еще изъ Собрания не могъ замѣтить.

Между тѣмъ, изъ всѣхъ сихъ приступовъ, всякий напередъ уже могъ заключить, что въ Протоколахъ желаютъ нѣчто скрыть.

Но кто могъ себѣ представить, чтобы злоупотребленіе простиралось до такой степени, и при томъ въ такомъ явномъ безстыдствѣ, въ какомъ оно оказалось въ сихъ Протоколахъ!

- 1) Тутъ употреблены всѣ возможныя усилія, чтобы скрыть настоящій ходъ дѣла.
- 2) Истощены всѣ ухищренія въ словахъ и выраженіяхъ, чтобы дать превратный смыслъ безпредвзятнымъ мнѣніямъ больше части Членовъ Собрания.
- 3) Наконецъ, учтены всѣ нужные къ тому подлоги.

Въ дополненіе ко всему тому, Г. Кавелинъ и Г. Руничъ, при всякомъ случаѣ, понуждали Плісова читать скорѣе, запрещаючи ему останавливаться даже и тогда, когда Члены Собрания замѣчали и старались показать всю важность и гнусность обмана. Когда же нѣкоторые изъ нихъ осмѣялись спросить: «Можно ли будетъ просмотрѣть Протоколы сіи особо, прочесть въ другой разъ, или хоть взглянуть на нихъ?» то были жестоко осмѣяны Г-мъ Кавелинымъ и Г. Руничемъ, который наконецъ сказалъ: «Теперь у всякаго «еще на лицѣ маска; при подписаніи журналовъ она спадетъ, и тогда увидимъ, кто каковы!»

Не смотря, однако жь, на всѣ сіи ухищренія, всякий изъ Членовъ могъ при чтеніи Протокола замѣтить слѣдующіе подлоги:

- 1) Словесное объясненіе Раупаха и письменные отвѣты его названы въ Протоколѣ возмутительными и, сверхъ того, упорствомъ, наглостію, запирательствомъ и пр., при чёмъ сказано, яко бы Собрание находить оные таковыми.
- 2) Письменный отвѣтъ Раупаха измѣненъ въ переводѣ Толмачева (что нѣкоторые изъ Членовъ тутъ же замѣтили).
- 3) Изъ мнѣнія Членовъ, по которому письменные отвѣты обоихъ Профессоровъ, Германа и Раупаха, признаны недостаточными къ объясненію дѣла или, какъ нѣкоторые говорили, неудовлетворительными, выведено заключеніе, по которому сіе обращено въ собственную вину подсудимыхъ.
- 4) Особое письменное мнѣніе Профессора Балугьянскаго на сей 1-й, предложенный въ Собраниі 3-го Ноября, вопросъ, не занесено въ Протоколъ, но введенъ въ счетъ голосовъ, по которымъ отвѣты подсудимыхъ почитались неудовлетворительными.
- 5) Когда Г. Балугьянскій замѣтилъ такое упущеніе и, при чтеніи Протокола, требовалъ, чтобы сіе особое его мнѣніе было въ ономъ означдно, то ему это обѣщано Г. Кавелиннымъ, однако жь, не исполнено; напротивъ того, Толмачевъ вызвался тутъ же писать свое мнѣніе на мнѣніе Балугьянскаго, началъ писать, не известно ни кому, что именно, и сіе писаніе, сколько известно, приложено къ Протоколу.

6) Изъ объясненій и отвѣтовъ Профессоровъ Германа и Раупаха, по которымъ тотъ и другой не признаютъ себя виновными въ преподаваніи того ученія, коимъ, по вопроснымъ пунктамъ, обвиняются, требуя разсмотрѣнія сего дѣла *par des juges comprѣtens*, въ Протоколѣ выведено заключеніе, яко бы они тѣмъ самыми опровергивали Правительство и оспаривають законность актовъ.

7) Большинствомъ безпредубежденныхъ голосовъ требовалось представить обвиняемымъ всѣ законныя средства и способы къ ихъ оправданію; о семъ въ Протоколѣ ни чѣго не упомянуто; напротивъ того, изъ особыхъ письменныхъ мнѣній нѣкоторыхъ изъ Членовъ выведенъ упрекъ въ соумышленничествѣ съ обвиняемыми.

8) Какъ въ томъ же, такъ и въ другомъ, мѣстѣ въ Протоколѣ сказано, что сіе самое (т. е., требованіе обвиняемымъ законныхъ средствъ къ оправданію) значитъ требованіе для подсудимыхъ актовъ на дому. Потомъ тамъ же сказано, яко бы такое требованіе предложено было на судъ Конференціи, но, какъ дерзкое, или противуздаконное, отвергнуто большинствомъ 14-ти голосовъ противъ 6-ти. Это заключеніе было ложное, по тому что такой вопросъ никогда не былъ предлагаемъ на судъ Конференціи.

9) Когда сперва самъ Г. Зябловскій уже признался, а послѣ и прочие всѣ Члены подтвердили, что такой вопросъ никогда не былъ предложенъ на судъ Конференціи, то Толмачевъ вызвался одинъ противъ всѣхъ доказать противное, и тутъ же, въ другой разъ, принялъ, по просьбѣ Г. Руничѣ и Г. Кавелина, писать о томъ свое мнѣніе.

10) За симъ Г. Кавелинъ началъ поправлять это въ Протоколѣ, но при сей поправкѣ выпущены только нѣкоторыя слова, а смыслъ вымысла остался, и послѣднее къ тому времени мнѣніе Толмачева, хотя не читано въ Собраниѣ, но, по словамъ Г. Руничѣ и Г. Кавелина, должноствовало быть приложено при Протоколѣ, «чтобъ дать ходъ дѣлу», какъ то послѣдній не стыдился сказать тутъ же.

11) Во второмъ, предложенномъ въ Собраниѣ 3-го Ноября Г. Руничемъ, вопросъ: «Можно ли допустить мнѣніе Профессоровъ

Германа и Раупаха въ томъ, что они не признаютъ выписокъ, въ Главномъ Правлении Училищъ составленныхъ, законными и на собственномъ ихъ учениі основанными?» слово «законными» въ Протоколѣ выпущено, и изъ общаго предположенія, въ семь непонятномъ вопросѣ содержащагося, выведены ложныя заключенія.

12) Въ 3-мъ вопросѣ Г. Руничъ, въ томъ же Собраниі, Ноября 3 дня, предложенномъ: «Судя по выпискамъ, препровожденнымъ изъ Главнаго Правления Училищъ, какого мнѣнія Конференція о преподанныхъ Профессорами Германомъ и Раупахомъ ученияхъ и о благонадежности ихъ, какъ наставниковъ юношества?» въ Протоколѣ поставлены слова: «судя по выпискамъ» и проч. во вѣстительномъ знакѣ [—], и Г. Кавелинъ, равно какъ и Г. Руничъ, доказывали, что сіи слова, яко не нужные, должны быть выпущены.

13) Изъ отвѣтовъ и письменныхъ мнѣній Членовъ на сей вопросъ выведены заключенія ложныя.

14) Въ мнѣніи на сей вопросъ Г. Балугьянскаго, съ которымъ согласился Г. Руничъ, Г. Кавелинъ и Г. Забловскій, условная частица бы въ Протоколѣ выпущена. Писовъ объявилъ тутъ же, что сей подлогъ, равно какъ и нѣкоторые другие, сдѣлалъ Г. Кавелинъ у себя на дому, при составленіи Протоколовъ.

15) Г. Балугьянскій тутъ же протестовалъ противъ сей перемѣны и, для уличенія въ ономъ Г. Кавелина, требовалъ подлинное свое, на Французскомъ языкѣ поданное, мнѣніе, но ему не сдѣлано удовлетвореніе.

16) По объявленію Г. Балугьянскимъ сего протеста, Г. Руничъ, Г. Кавелинъ и Г. Забловскій рѣшились взять назадъ свое согласіе съ онымъ и пристать къ безусловному мнѣнію Щеглова, но въ Протоколѣ все осталось по прежнему, и Г. Балугьянскій, равно какъ и большая часть другихъ Членовъ, ложно считаются въ числѣ тѣхъ, кои осуждаются обвиняемыхъ Профессоровъ Германа и Раупаха, по тому что, по предложенному въ Собраниі, 3-го Ноября, отъ Г. Руничъ вопросу, надлежало давать, и большую частію всякъ даваль, свое мнѣніе о обвиненіяхъ, со-

держащихся въ вопросныхъ пунктахъ и выпискахъ, а не о Профессорахъ Германѣ и Раупахѣ, коихъ преступленіе ни посредственно, ни непосредственно, не было доказано. Но для сего-то подлога и слова, «судя по выпискамъ,» и пр., выключены въ Протоколѣ.

Вотъ главнѣйшіе подлоги, всѣми замѣченныя при чтеніи первого Протокола въ Засѣданіи 7-го Ноября.

По прочтеніи, Г. Кавелинъ взялъ онъ въ Канцелярію, подъ предлогомъ выправить ореографическія ошибки, собственно же для того, чтобы никто изъ Членовъ Собрания не могъ просмотрѣть онаго въ другой разъ. Потомъ приступили къ чтенію другаго Протокола, по производству дѣла Галича и Арсеньева.

Время было уже около третьяго часу за полночь. Г. Руничъ подтверждалъ опять, что онъ не выйдетъ изъ Собрания прежде, нежели прочтень будеть сей Протоколъ и онъ не отправить Французовъ; но сіе напоминаніе было почти излишнее, по тому что и безъ того всякий изъ Членовъ, чья совѣсть не была усыплена, или продана, слишкомъ былъ занятъ первымъ Протоколомъ и не могъ обратить на второй надлежащаго вниманія.

Однако жь, нельзя было не замѣтить, что и сей второй Протоколъ въ каждомъ пунктѣ измѣненъ, сообразно видамъ Г. Рунича и Г. Кавелина.

Обращеніе Галича (сколько помнить можно) и въ Протоколѣ представлено чудомъ, которое, однако жь, тутъ приписано не столько дѣйствію Благодати, сколько сильной рѣчи Г. Рунича, которую Г. Кавелинъ и въ прошломъ уже Собранию называлъ «боговдохновенною,» но теперь считалъ себя тѣмъ больше вправѣ назвать оную таковою, предполагая, что язвительныя укоризны, поносныя слова и ругательства, кои при произнесеніи онай, такъ сказать, рѣкою лились изъ устъ Г. Рунича на бѣднаго Галича, уже забыты. Вообще говоря, все сіе, такъ названное, обращеніе Галича, описано такимъ притворнымъ напѣвомъ, который составляетъ чрезвычайный контрастъ съ тою цѣллю, которой надѣются чрезъ то достигнуть, а еще больше съ тѣми средствами, кои были употреблены къ тому.

При чтеніи, прописаннаго въ Протоколѣ, письменнаго его отвѣта, замѣчено, что это не его отвѣтъ или, по крайней мѣрѣ, не толькъ отвѣтъ Галича, который онъ далъ въ Собраниі 4-го Ноября. Для проверки надлежало пріискать подлинной; при дѣлахъ его не было, а находился тутъ собственноручный же и за подписаніемъ Галича, но подложной, другой отвѣтъ, отъ первого даннаго имъ въ Собраниі 4-го Ноября различный не только по содержанію, но и по наружному виду, какъ то сперва Г. Балугьянскій, а потомъ и всѣ тутъ же замѣтили, Г. Кавелина, на котораго отвѣтственность въ сѣмъ дѣлѣ Плисовъ сослался, но его не было на ту пору въ Собраниі; ибо онъ, вышедши въ Капцелярію, велъ съ Г. Руничемъ совѣщанія о протестахъ Деманжа и Шармуа. Г. Зябловскій принужденъ былъ тутъ же объявить, что «сей другой (подложной) отвѣтъ Галича, подписанный 4-мъ числомъ, вы требованъ отъ него «Г. Кавелинымъ уже 7-го числа и занесенъ въ Протоколъ, а первої потерянъ; впрочемъ, это ничего не значитъ, прибавилъ Г. Зябловскій, и Галичъ вѣрно уже не отступится отъ сего «отвѣта.»

Для чего сей подлогъ сдѣланъ, уже всякой догадывался; но по какому праву Г. Кавелинъ позволилъ себѣ такое злоупотребление? Это такой вопросъ, который тутъ же приходилъ на мысль всякому, но который предложенъ будучи для мнѣнія, безъ сомнѣнія, произвелъ бы разногласіе и, судя по аналогіи прежнихъ случаевъ, за вѣрное можно было предположить, что одни сказали бы, что такой поступокъ Г. Кавелина противенъ закону, — и это мнѣніе сочтено бы было пререканіемъ, крючками, уловками, ябедничествомъ, а можетъ быть и заговоромъ; другіе сказали бы просто, что Г. Кавелинъ въ правѣ поступать по праву, сверхъ права и противу права, — и сие мнѣніе, хотя бы оно было и не многими объявлено, удержало бы перевѣсь тамъ, гдѣ голоса принимались по вѣсу, чи по счету, но по крику, съ которымъ произносятся. А по тому никто не осмѣялся произнести слова.

Изъ голосовъ и мнѣній Членовъ на предложенные Г. Руничемъ въ Собраниі 4-го Ноября о Галичѣ и Арсеньевѣ вопросы, выведены въ Протоколѣ ложныя заключенія:

1) Объ отвѣтѣ Арсеньева сказано просто, что онъ признанъ неудовлетворительнымъ, или недостаточнымъ, къ объяс-

сненію вопросныхъ пунктовъ, и сіе обращено въ вину ему же, Арсеньеву; напротивъ того

2) Нигдѣ не сказано, что въ числѣ сихъ вопросныхъ пунктовъ большая часть такихъ, кои могли быть скорѣе обращены въ обвиненіе того, кто по онымъ пріискывалъ въ книгѣ Арсеньева выписки и ссылки, какъ то и въ самомъ Собраниі 4-го Ноября замѣчено.

3) Въ Протоколѣ не сказано, что, говоря о неудовлетворительности отвѣтствъ Арсеньева, большинствомъ голосовъ требовалось также предоставить ему законныя средства и способы къ его оправданію.

4) Въ Протоколѣ выведено ложное заключеніе, будто ученіе Галича и Арсеньева положительно признано опаснымъ и вреднымъ, а сами они, Галичъ условно, а Арсеньевъ положительно, не заслуживающими довѣрія.

Между тѣмъ какъ чтеніе сего втораго Протокола приближалось уже къ концу, а время къ четвертому часу за полночь, и Г. Кавелинъ возвратился въ Присутствіе, Г. Руничъ прервалъ чтеніе и обратилъся къ Собранию съ длинною рѣчью.

Содержаніе онай было уже частію извѣстно Конференціи изъ разсказовъ Г. Рунича въ прежнемъ Собраниі 4-го Ноября, а о цѣли также всякъ догадывался; нѣкоторыя выраженія возбудили изумленіе и справедливое негодованіе Членовъ. Г. Руничъ началъ своею родословною съ прадѣда, который, какъ онъ говорилъ, служилъ при Петре Великомъ, по порядку къ дѣду, который жилъ при Анне Ивановнѣ и т. д.; потомъ, говоря о своей собственной 25-тилѣтней усердной и беспорочной службѣ, перешелъ не посредственно къ началу въ Университетскихъ Собранияхъ производства дѣлъ о обвиняемыхъ Профессорахъ. Тутъ говорилъ онъ о преканіяхъ, крючкахъ, уловкахъ, какой-то злоумышленной противудѣйствующей партіи, изъявляющей подозрѣніе на Правительство, коего права онъ защищаетъ.

Частію по причинѣ чрезвычайной усталости, а частію также и по привычкѣ къ такимъ несправедливымъ упрекамъ, Г. Руничемъ многократно и въ прежнихъ Собранияхъ, безъ всякаго основа-

ванія и безъ малѣйшаго повода, произнесеннымъ, никто изъ Членовъ Собранія не считалъ за нужное спросить, что чрезъ то Г. Руничъ разумѣеть. При томъ же онъ и самъ внезапно перемѣнилъ тонъ: «Почтеннѣйшее Сословіе, Милостивые Государи, «Любезнѣйшіе мои Сотрудники! Я надѣюсь, я не сомнѣваюсь, я «увѣренъ въ томъ, что Вы примете мою сторону, будучи сами «обижены въ лицѣ моемъ» и проч. Дѣло шло о протестѣ Профессора Шармуа, и Г. Руничъ, мѣшая сіи ласковыя выраженія съ прежними ужасными словами и ноносными ругательствами, называлъ Профессора Шармуа возмутителемъ, бунтовщикомъ, забѣглымъ, исчадіемъ революціи, мошенникомъ и т. п.

Журналъ по сему дѣлу Г. Руничъ диктовалъ, и частію самъ тутъ же писалъ, а Г. Кавелинъ въ Канцеляріи смотрѣлъ за редакціею.

Но сколько ни старался тотъ и другой дать превратный толкъ письменному мѣнію Шармуа (которое подало поводъ къ тяжкой обидѣ, причиненной ему отъ Г. Руница въ Собраніи 3-го Ноября), сколько ухищреній ни употребляли въ словахъ и выраженіяхъ, опуская всѣ названія: «бунтовщика, зажигателя, выходца изъ отечества Маратовъ и Робеспьеровъ» и пр., изъ самого уже сего Протокола (сколько помнить можно) явно открывается поступокъ Г. Руница, и Конференція, не въ правѣ будучи судить своего Президента, положила представить дѣло на судъ Высшаго Начальства.

Приступили къ подписанію Протоколовъ: «Теперь, говорилъ Г. Руничъ, у всякаго спадетъ маска; теперь-то увидимъ, кто каковъ!» и наконецъ, въ заключеніе всѣхъ, такъ названныхъ самими Г. Руничемъ, безобразныхъ явленій, коихъ Конференція имѣла несчастіе быть многократно свидѣтелемъ въ продолженіе сихъ трехъ Засѣданій, и при томъ въ такое время, въ которое всякъ готовъ уже быть повѣрить, что такія явленія повторяться не будутъ, — вдругъ Г. Руничъ обращается къ Г. Балугянскому, который, подписывая Протоколъ Собранія 3-го Ноября, объявилъ, и при самой подписи отмѣтилъ, что подаетъ осое-бое мѣніе. «А! что это значитъ?» спросилъ Г. Руничъ.

Г. Балугъянскій отвѣчалъ, что «это значитъ то, что онъ подаетъ особое мнѣніе на Протоколъ». Г. Руничъ требовалъ, чтобы сіе мнѣніе было писано и подано тутъ же; говорилъ опять, что онъ не выйдетъ изъ Собрания, пока дѣло не будетъ кончено совершенно. Но Г. Балугъянскій отвѣчалъ, что на подачу мнѣнія есть законный срокъ. «Такъ признайтесь же, Милостивой Государь, сказалъ Г. Руничъ Профессору Балугъянскому, что это заговоръ; я это видѣлъ и прежде, продолжалъ онъ, еще и въ первое Собрание; здѣсь есть еще и другое. А! теперь какъ маски спали!..»

Г. Балугъянскій прервалъ сіи рѣчи, и хотя былъ не менѣе другихъ пораженъ важностию значенія оныхъ, но оказалъ примѣрное равнодушіе, упрашивая Г. Рунича не употреблять такихъ странныхъ названій. Г. Руничъ замолчалъ, но не на долго. Вдругъ началъ говорить о томъ, что, «по настоящему, надлежало бы подсудимыхъ Профессоровъ привести съ жандармами, поставить въ Собрание на лой и заставить ихъ, при обнаженныхъ сабляхъ, писать отвѣты, такъ какъ то дѣлается въ Уголовной Палатѣ, или даже прямо отослать въ Уголовную Палату».

«Тогда была бы форменная инквизиція», сказалъ Г. Балугъянскій. Нельзя себѣ представить, съ какимъ восторгомъ подхватилъ Г. Руничъ слово инквизиція. «Хотите ли, это запишемъ въ Журналъ?» сказалъ онъ Г. Балугъянскій охотно изъявляясь на то свое согласіе, а между тѣмъ, желая вывестъ его изъ недоразумѣнія, сказалъ, что форменное слѣдствіе называется *processus inquisitorius*, и онъ могъ ошибиться въ Русскомъ словѣ.

Сколько Г. Кавелинъ ни усиливался, ни подстрекалъ Г. Руничча, чтобы «дать ходъ дѣлу», однако жь сей на то не согласился, а обратилъ все свое вниманіе на тѣхъ, кои подписывали Журналы. Грефе, Чижовъ и Плисовъ (потомъ также Соловьевъ) подписывали съ мнѣніемъ, не смотря на то, что Г. Кавелинъ и Г. Руничъ тутъ же называли это «злоумышленною противудѣйствующею шартиюю, раскрытиемъ того плана, который обнаружился еще въ самомъ началѣ заговоромъ». Г. Руничъ благодарила Бога, что онъ послалъ ему сей случай узнать и различить людей; говорилъ о своей готовности, о непремѣнномъ своемъ

«должъ употребить все свое ходатайство о обращеніи Высокояоньшаго вниманія на полезную службу и ревностное содѣйствіе тѣхъ, кои ему пособляли въ трудномъ дѣлѣ преобразованія здѣшняго Университета».

Засѣданіе кончилось 8 Ноября въ 4 часа за полночь. Не присутствовали въ семъ Собраниі: Профессоры Понснеръ, Бутырскій Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Ржевскій и Адъюнктъ-Профессоръ Радловъ, которому, равно какъ Деманжу и Шармуа, не быть посыпанъ Журналъ для подписанія.

На другой день (9-го Ноября) отправлены на имя Г. Рунича особыя мнѣнія на Журналъ Чрезвычайного Собранія отъ Профессоровъ: Плисова, Чижова, Соловьева, Грефе и Балугьянскаго. У Профессора Плисова, такъ какъ исправляющаго должность Конференцъ-Секретаря, освѣдомлялись, одни о томъ, получены ли ихъ мнѣнія, а прочие о томъ, когда назначено будетъ послѣднее Засѣданіе, для прочтенія особыхъ мнѣній и диспута по опытъ, такъ какъ то, на основаніи законовъ, слѣдовало. Но узнали, что Плисовъ въ тотъ же день склонился болѣнь и послалъ просьбу оувольненіи его отъ порученной ему временно Секретарской должности. Между тѣмъ нѣкоторые изъ Канцелярскихъ служителей, бывшіе на ту пору у Г. Кавелина, рассказывали о необычайномъ пріемѣ, склонномъ Плисову симъ послѣднимъ, паконецъ и самъ Плисовъ подтвердилъ слѣдующее:

Чрезъ нѣсколько часовъ по окончаніи послѣдняго Собранія, позванъ онъ Г-нъ Кавелинымъ, для составленія меморій и выписокъ изъ Журналовъ.

При самой встречѣ устремился па него Г. Кавелинъ съ такими проклятиями и заклинаніями, кои показывали уже не гнѣвъ и не ожесточеніе, но самую высшую степень изступленія, говоря Плисову, что «онъ теперь его не обманетъ, и что онъ теперь же заставитъ его клясться предъ иконою въ церкви.» Когда Плисовъ изъявилъ весь ужасъ своего положенія, а по томъ ска-

залъ, что ему не въ чемъ каяться, то Г. Кавелинъ обратилъ всѣ злословія и заклинанія на Профессора Балугьянскаго; говорилъ, «что онъ не знаетъ, чѣмъ согрѣшилъ предъ Богомъ, что Богъ не «удостоилъ его быть орудіемъ своего праведнаго мщенія; что онъ, «отлучившись изъ Присутствія, не слыхалъ отзыва Г-на Балугьян-«скаго о подложномъ отвѣтѣ Галича, что, въ противномъ случаѣ, «онъ заставилъ бы Балугьянскаго кровью его написать это.» При сеmъ называлъ Балугьянскаго мерзкимъ Превосходительствомъ и тому подобными мерзкими словами. О Соловьевѣ отзывался онъ съ подобными ругательствами за то, что Соловьевъ подпісалъ Жур-налъ съ мнѣniемъ, называлъ Соловьева безумнымъ и притворно-съумасшедшімъ. Потомъ говорилъ, что всѣхъ тѣхъ, кои при про-изводствѣ дѣла не въ томъ духѣ дѣйствовали, въ какомъ надле-жало, слѣдуетъ выкинуть изъ Университета. Наконецъ, поручая Плисова надзору Толмачева, пока составить выписки изъ Жур-наловъ и меморій, требовалъ, чтобы онъ тутъ же написалъ свое мнѣніе, которое и диктовалъ тутъ же на словахъ Толмачеву, и которое состояло въ томъ, что Плисовъ долженъ быть сказать: «хотя я и не былъ свидѣтелемъ возмутительного поступка Раупаха въ Собраниі 3-го Ноября, но согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, кои онъ таковыи почитаются.» Г-нъ Кавелинъ уѣхалъ тогда же къ Г-ну Руничу, а Плисовъ изъ подъ надзора ушелъ.

На другой день, когда Плисовъ уже былъ болѣнъ, Г-нъ Ка-велинъ призывалъ его чрезъ Экзекутора и еще чрезъ одного Чиновника, но онъ не явился, а 10-го числа отправилъ на имя Г-на Кавелина письмо.

М Н Ъ Н И Е

Э.-О. ПРОФЕССОРА ПЛИСОВА.

Хотя я, избранъ будучи, за болѣзнію Конференцъ-Секретаря Бутырскаго, къ исправленію его должности, и скрѣпилъ Журналъ Чрезвычайнаго Общаго Собрания Университета, Ноября 3 дня, составленный подъ надзоромъ Г-на Директора Университета, и въ Собрании, Ноября 7-го начавшемся, а 8-го окончившемся, подписанный, но тѣмъ не менѣе, по званію моему Члена Конференціи, считаю непредложною обязанностію, по убѣжденію совѣсти и по долгу присяги, присовокупить слѣдующее:

1) Письменные отвѣты Профессоровъ Германа и Раупаха, на сообщенные имъ въ Собраниі вопросные пункты, не заключали въ себѣ и по моему мнѣнію ни какихъ оскорбительныхъ выражений, какъ-то нѣкоторые изъ Гг. Членовъ полагали, и по тому, сообразно съ Указами 1718-го, Генв. 19, 1753-го, Ноября 29, 1764-го, Сентября 13-го, и другими, къ сему относящимися, Все-милостивѣйшими узаконеніями, приняты къ дѣлу.

Но когда сіи отвѣты, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ Членовъ, а въ томъ числѣ и по моему, признаны недостаточными къ объясненію вопросовъ, по мнѣнію же другихъ неудовлетворительными, что я не иначе, какъ въ томъ же отношеніи понимаю, то есть, неудовлетворительными къ объясненію вопросныхъ пунктовъ, необходимо нужному для дальнѣйшаго сужденія и мнѣнія по оному: то я полагаю, что надлежало требовать отъ помянутыхъ Профессоровъ, Германа и Раупаха, отвѣтовъ дополнительныхъ на вопросные пункты, предоставивъ онимъ Профес-

сарамъ вѣй нужныя къ тому, возможныя и законно позволенныя, средства и способы.

Судя по выпискамъ, присланнымъ изъ Главнаго Правленія Училищъ, въ законности и подлинности коихъ никто не можетъ имѣть ни малѣшаго сомнѣнія, котораго я, по своему разумѣнію, ѿ вижу и въ самыхъ отвѣтахъ Профессоровъ Германа и Раупаха, обвиненіе оныхъ Профессоровъ почитаю дѣломъ чрезвычайной важности, заслуживающимъ по тому изслѣдованія по всей строгости законовъ. Но сіи выписки, по моему мнѣнію, содержать въ себѣ только обвиненіе оныхъ Профессоровъ, а не осужденіе, какъ то и изъ самаго препровожденія сего дѣла въ Общее Собрание Университета отъ Господина Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, явствуетъ. Но осужденіе, по силѣ всѣхъ существующихъ Всемилостивѣйшихъ законовъ, почитается невозможнымъ безъ изслѣдованія, объясненія и совершенного удостовѣренія со стороны осуждающаго въ томъ, что обвиняемый дѣйствительно учинилъ все то, что къ полному понятію о преступлѣніи относится, и что при всѣхъ средствахъ и способахъ, законами ему предоставленныхъ, онъ не можетъ ничего привести къ своему оправданію.

Профессоры Германъ и Раупахъ, въ письменныхъ своихъ отвѣтахъ, при Журналь приложенныхъ, изъявили всю готовность дать удовлетворительные отвѣты на вопросные пункты, если только имъ предоставлены будутъ всѣ нужныя, возможныя и законно позволенная, средства, обнаруживая при томъ свою надежду къ оправданію.

Итакъ, на основаніи всего вышесказаннаго, я полагаю мнѣніемъ:

I. «Что по всѣмъ законамъ, Божескимъ и человѣческимъ, и по силѣ всѣхъ гражданскихъ узаконеній, подъ благотворнымъ вліяніемъ коихъ мы имѣемъ счастіе наслаждаться безопасностію и благосостояніемъ, Общее Собрание Университета не можетъ отказать обвиняемымъ Профессорамъ, Герману и Раупаху, во всѣхъ возможныхъ и законно позволенныхъ средствахъ и способахъ, почитаемыхъ ими нужными къ ихъ оправданію.»

II. Почитаю за нужное привести въ соображеніе, что отправленъ будучи отъ Собрания Депутатомъ къ Профессору Герману, для надзора при составлениі имъ письменныхъ его отвѣтовъ (какъ то и по Журналу значится), и находясь въ отдаленной отъ Присутствія камерѣ, я не былъ свидѣтелемъ поступковъ Профессора Раупаха, названныхъ въ Журналѣ возмутительными, и по тому отнюдь не могу судить объ оныхъ.»

Прошу мнѣніе сіе, при Журналѣ Общаго Чрезвычайнаго Собрания Университета, представить Высшему Начальству.

Экстра-Ординарный Профессоръ М. Плисовъ.

ЗАПИСКА

О

частномъ испытаниі въ С.-Петербургской Губернскій Гимназии ученикаиъ VII класса, произведенномъ въ среду 7-го Декабря, 1821 года, по предмету Естественного Права.

(Профессора Плисова.)

Испытание началось въ присутствії: Г. Испр. должн. Ректора Университета, Статского Советника и Кавалера, Евдокима Филипповича Зябловскаго, Г-на Директора Училищъ С.-Петербургской Губерніи, Статского Советника и Кавалера, Ивана Осиновича Тимковскаго, Г-на Инспектора Гимназіи, Коллежскаго Советника и Кавалера, Федора Ивановича Миддендорфа, и Профессора Университета, Надворнаго Советника и Кавалера, Моисея Гордіевича Плисова.

Вскорѣ потомъ прибылъ въ собраніе Г-нъ Директоръ Университета, Дѣйствительный Статский Советникъ и Кавалеръ, Дмитрій Александровичъ Кавелинъ, а спустя нѣсколько времени и Г-нъ Испр. должн. Попечителя, Дѣйствительный Статский Советникъ и Кавалеръ, Дмитрій Павловичъ Руніть.

Профессоръ Плисовъ представилъ программу или оглавленіе статей и предметовъ, пройденныхъ подъ его руководствомъ воспитанниками; Г-нъ Испр. должн. Ректора вызывалъ учениковъ и самъ предлагалъ имъ вопросы. До прибытія Г-на Испр. должн. Попечителя не произошло ни чего особеннаго, кромѣ того, что когда по причинѣ постороннихъ предметовъ, въ которые Г-нъ Директоръ Университета вводилъ учениковъ, чрезъ даваемые имъ вопросы, испытание удалялось отъ своей цѣли, и Профессоръ

Шлисовъ намѣревался что-то сказать, то Г-нъ Директоръ Университета предупреждалъ его, сказавши: «Это у Васъ скверная привычка мѣшаться, и я скажу Вамъ однажды навсегда, что если Вы осмѣлитесь говорить, то Васъ выведутъ вонъ.» Профессоръ отвѣчалъ молчаніемъ, а между тѣмъ Директору Университета уголно было заставить ученика, Лаубе, проговорить наизусть Десятословіе, и сей, будучи приведенъ въ замѣшательство, сдѣлалъ ошибку, пропустивши слова: «елико на небеси горѣ.» Въ слѣдъ за тѣмъ вызваны еще трое учениковъ, которые говорили наизусть Десять заповѣдей. Наконецъ прибылъ Г-нъ Испр. должн. Попечителя, и образъ испытанія еще болѣе измѣнился.

Вызванный Г-мъ Испр. долж. Ректора воспитанникъ долженъ былъ говорить: «О правильномъ понятіи, названіи, предметѣ и опредѣленіи науки Естественнаго Права.» Сказавши сперва, что «название Естественнаго Права существовало прежде, пежели оно со-ставило предметъ особой науки, и что прежде, нежели образова-лось правильное обѣ ономъ понятіе, съ онымъ назнаніемъ соеди-нямы были многія весьма различные понятія», началъ потомъ излагать исторически разныя сіи понятія. Г-нъ Испр. должн. По-печителя остановилъ его на мнѣніи Гоббеза, который, какъ ска-залъ воспитанникъ, разумѣлъ подъ Естественнымъ Правомъ «си-стему правъ, приличныхъ людямъ въ какомъ-то естественномъ со-стояніи, предшествовавшемъ общежитительному и гражданскому». Его Превосходительство объявилъ, что «и Естественное Право и не возможно имѣть ни какого другого понятія: что это должно быть и опредѣленіемъ сей науки». Воспитанникъ началъ доказы-вать, что они имѣютъ совсѣмъ другое понятіе и опредѣленіе сей науки, и что Естественное Право въ понятіи Гоббеза было бы предметомъ пустыхъ умствованій, икрою воображенія, и не имѣло бы ни какой практической пользы» и т. п.—«Вы хотите меня пе-реучивать?», прервалъ Г. Испр. должн. Попечителя; оставьте сей напрасный трудъ! Профессоръ Шлисовъ начиналъ также говорить, но Г. Директоръ Университета велѣлъ ему молчать, грозя вы-слать его вонъ. Испытаніе продолжалось; статья для вопроса осталась та же.

Говоря о разныхъ названіяхъ Естественнаго Права, воспитан-никъ, между прочимъ, сказалъ: «Сію науку можно бы назвать фи-

лософію права, если бы сіе слово не имѣло такого неопределѣльного значенія.» — «Это и есть безуиная философія!» прерваль Г. Испр. должны. Попечителя, и потомъ продолжалъ довольно длинное разсужденіе, изъ котораго, однако жь, никто не понялъ ни чего. Профессоръ Плисовъ говорилъ, что «именно для избѣжанія сего недоразумѣнія и предубѣжденія, онъ не даетъ Естественному Праву сего названія.» Г. Директоръ Университета велъ ему молчать, съ прежнею угрозою.

«Исторія положительного права,» говорили, между прочимъ, воспитанники далѣе, «служить доказательствомъ тому, что, кромѣ нарочитыхъ законовъ, существуютъ также положенія здраваго разума и обычай, кои во многихъ случаяхъ замѣняютъ недостатокъ нарочитыхъ законовъ.» Г. Исправ. должны. Попечителя прерваль это своимъ постороннимъ разсужденіемъ и наконецъ сказалъ, что «Естественное Право не предполагаетъ ни исторіи, ни положительного права, ни нарочитыхъ законовъ», и потому отнюдь не слѣдуетъ о томъ и говорить (!).

. Г. Испр. должны. Ректора назначилъ другой по программѣ вопросъ: «Доказательство, что Естественное Право, какъ особая, отдельная отъ прочихъ, наука, существуетъ.» Вызванный вновь воспитанникъ, продолжая отвѣтчать на онъ, между прочимъ сказалъ: «Всякий человѣкъ при здравомъ разумѣ различаетъ правое отъ несправедливаго, какъ въ своихъ поступкахъ, такъ и въ поступкахъ другихъ людей, хотя бы о томъ не было ни какого постановленія въ нарочитыхъ законахъ, или хотя бы даже положительный законъ опредѣлялъ противное» и проч.

Трудно припомнить слова и выраженія, коими Г. Испр. долж. Попечителя угодно было нѣсколько разъ прервать оное краткое и ясное изложеніе. Наконецъ изъ длиннаго и отрывистаго своего разсужденія онъ вывелъ и сказалъ заключеніе: «Всѣ люди по природѣ глупы и безумны.»

«Глупые, безумные и имъ подобные, сказалъ воспитанникъ, составляютъ исключеніе изъ правила.»

«Цѣлые Республики глупыхъ и безумныхъ представляютъ намъ исторія, возразилъ Г. Испр. должны. Попечителя: примѣромъ

тому служитъ Республика Абдеритовъ.» — «Это Виландовъ романъ, а не история,» сказалъ Профессоръ Плисовъ, но его не слушали, а разговоръ совершино посторонній и сужденія, ни мало не относящіяся къ предмету, продолжаемы были Г. Директоромъ Университета въ довольно обидныхъ на счетъ Профессора выраженіяхъ о безуміи ученыхъ и т. п. Одна посторонняя мысль, одно постороннее слово рождало другое еще постороннѣйшее. Наконецъ Профессоръ Плисовъ принужденъ былъ дождѣть, что «главная цѣль испытанія состоить въ томъ, чтобы удостовѣриться въ степени успѣховъ, сдѣланныхъ воспитанниками въ наукѣ; просилъ продолжать испытаніе, не устраняясь въ такія матеріи, которыхъ не имѣютъ ни малѣйшей связи съ предметомъ.»

«Вы осмѣливаетесь менѣ учить?» спросилъ его Испр. долж. Попечителя.

«Я никакъ не беру на себя этого труда, Ваше Превосходительство,» отвѣчалъ Профессоръ Плисовъ.

«Да и что это за умъ, въ самомъ дѣлѣ?» продолжалъ Г. Испр. должн. Попечителл; «умъ, разумъ, разумѣніе, сила мышленія, — это, вѣроятно, также немаловажную у Васъ играетъ роль.»

«Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Профессоръ Плисовъ, она также предполагается во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ; и хотя есть люди, кои мыслять, что не должно мыслить, но большая часть говорить это по подражанію другимъ, другіе подражаютъ въ томъ третьимъ и т. п.; однако жь, если дойти до первого чудака, который мыслить, что не должно мыслить, то онъ все же, вѣдь, мыслить.» Сие постороннѣе отступленіе прервано другимъ еще постороннѣйшимъ; разговоръ между Г. Испр. должн. Попечителя и Г. Директоромъ Университета продолжался, а испытаніе удалялось отъ своей цѣли.

Нѣкоторые изъ воспитанниковъ, видя необходимость, или почитая себя въ состояніи отвѣтить на всѣ таковыя постороннія матеріи, въ постороннихъ вопросахъ имъ предлагаемы, продолжали вдаваться въ оныя и судить по своему; Профессоръ Плисовъ объявилъ, что онъ не ручается за правильность такихъ сужденій.

«Это Ваша обязанность,» сказаъ Испр. должн. Попечителя.— «Я отвѣчаю за правильность суждений, относящихся къ преподанной мною наукѣ, возразилъ Профессоръ Плисовъ; но предметы, которые предлагать изволите, ни посредственno, ни непосредственno, не входили никогда въ составъ оной.»

Тутъ вызваны нѣсколько воспитанниковъ вдругъ. «Что есть Государство? Что есть верховная власть? Какимъ образомъ люди оставили естественное состояніе? Какъ пожертвовали они свободою? Что такое подчиненность?» и пр. и пр., вопросы, одинъ за другимъ предложены имъ были отъ Г. Испр. должн. Попечителя. Г. Директоръ Университета сопровождалъ оные своими суждениями въ выраженияхъ довольно странныхъ, хотя и не совсѣмъ понятныхъ, на пр.: «отъ чего произошло то, что одинъ повелѣваетъ, а миллионы должны повиноваться? Безъ сомнѣнія, лучше повелѣвать, нежели повиноваться! Какъ можно понять, или представить, себѣ возможную эту жертву?»

Профессоръ Плисовъ объявилъ, что «вопросы о Государствѣ и верховной власти относятся къ Публичному или Государственному Праву, котораго онъ не проходилъ; что, вопреки сужденію Г. Директора Университета, онъ имѣетъ о сихъ важныхъ предметахъ совершенно другія учебныя понятія, и что такъ какъ онъ не проходилъ Публичнаго Права, то самое оное сужденіе Г. Директора, которое онъ, Профессоръ, считаетъ не только превратнымъ, но и ни съ чѣмъ несообразнымъ, можетъ послужить сбазиномъ для воспитанниковъ.»

Г. Испр. должн. Попечителя велѣлъ Профессору молчать; а между тѣмъ воспитанники, распрашиваемы будучи, отвѣчали какъ могли, не сказавши, однако жъ, ни чего противнаго здравому смыслу или существу дѣла. Профессора спросили: «Принимаетъ ли онъ это за свое ученіе?» Онъ повторилъ сказанное прежде, что онъ не преподавалъ Публичнаго Права.

«Откуда же воспитанники получили всѣ сіи понятія?» спросилъ Г. Испр. должн. Попечителя.

«Кромѣ тѣхъ понятій, отвѣчалъ Профессоръ Плисовъ, кои они въ теченіе годичнаго курса заимствовали отъ меня по части

преподаваемой мною имъ науки, они могутъ имѣть разныя другія; но я еще разъ повторяю, что я не проходилъ Публичнаго Права, къ которому относятся предложенные вопросы.»

«Вы меня ни какъ не проведете и въ томъ не увѣрите,» возразилъ Г. Испр. должен. Попечителя. «Вы хотите меня обмануть; Вы хотите ускользнуть, подобно Профессору Булугьянскому, который, призванъ будучи въ Главное Правленіе Училищъ, вилалъ, вилалъ и старался всячески ускользнуть отъ подобныхъ вопросовъ, но наконецъ долженъ былъ сознаться.»

«Я не проходилъ Публичнаго Права,» повторялъ Профессоръ Плисовъ, а впрочемъ, въ сужденіи и объясненіи воспитанника я не нахожу ни чего противнаго здравому смыслу, или въ какомъ бы то ни было отношеніи предосудительного.»

Вмѣсто того, чтобы тутъ же спросить Директора Гимназіи, Инспектора, или самыхъ учениковъ, и удостовѣриться въ томъ, въ чёмъ, не извѣстно, по какой причинѣ, не довѣрили Профессору Плисову, который, кажется, не имѣть ни какой надобности скрывать то, что послужило бы ему же въ похвалу, т. е., если бы, кроме Естественнаго частнаго Права, означенаго въ программѣ, онъ проходилъ и Публичное; вмѣсто всего этого Г. Испр. должен. Попечителя продолжалъ: «Такъ Вы не проходили Государственнаго Права? Вотъ я тотчасъ то узнаю! Возьмемъ статью о поступкахъ (по программѣ). «О сравненіи поступковъ съ законами,» сказалъ Г. Испр. должен. Ректора вызванному имъ ученику. Сей послѣдній, опредѣливъ понятіе о поступкѣ, началъ опредѣлять различные роды оныхъ по различію отношеній: «Всякій поступокъ, говорилъ онъ, предполагаетъ дѣйствіе; но поступокъ не всегда состоитъ въ дѣйствії; упущеніе дѣйствія также называется поступкомъ, когда предполагается, что оно могло, или же должноствовало, быть сдѣлано. Въ семъ отношеніи поступки раздѣляются на положительные, кои состоять въ сдѣланіи, и отрицательные, состоящіе въ упущеніи. На пр., пойти, куда должно ити, есть поступокъ положительный; остатся, есть поступокъ отрицательный.»

«Этотъ примѣръ не годится,» сказалъ Г. Испр. должен. Попечителя; «ити есть дѣйствіе физическое.» — «Но оно можетъ быть

предметомъ нравственныхъ и юридическихъ отношеній,» отвѣчалъ воспитанникъ.—«Приведите другой примѣръ,» сказалъ Профессоръ Писсовъ. «Кто оказываетъ другому милость, помошь, снисхожденіе и т. п., продолжалъ воспитанникъ, или, на пр., платить долгъ, туть совершаешь поступокъ положительный; кто того не дѣлаетъ, туть, чрезъ упущеніе, совершаешь поступокъ отрицательный.»

«А!» прервалъ Г. Испр. долж. Попечителя, «и послѣ этого Вы все еще будете говорить, что не проходили Публичного Права, когда, какъ извѣстно, платежъ долга, какъ поступокъ положительный, относится къ Публичному Праву» (?).

Ученики поражены были не меньшимъ удивленіемъ, какъ и самъ Профессоръ, который, послѣ такового объясненія, считалъ уже излишнимъ всякое дальнѣйшее съ своей стороны замѣчаніе, и по тому отвѣчалъ молчаніемъ.

Испытаніе продолжалось, но, вмѣсто данного вопроса, Г. Испр. должен. Попечителя предложилъ другой прежній: Доказательство, что Естественное Право существуетъ.»

Доказавши, что общія понятія о правѣ или естественные законы существуютъ, воспитанникъ продолжалъ: «Сіи общія понятія или естественные законы вездѣ и всегда одинаковы, существенны, и по тому заключаются въ самой природѣ человѣка.»

«Вы ни какъ меня не убѣрите въ томъ, что естественные законы вездѣ и всегда одинаковы», возразилъ Г. Испр. должн. Попечителя.

«Історія и ежедневный опытъ всякаго въ томъ убѣждаетъ, отвѣчалъ воспитанникъ; за нѣсколько тысячелѣтій люди различали добродѣтель отъ порока и справедливость отъ несправедливости такъ, какъ различаютъ и нынѣ, и такъ, какъ будутъ различать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ остается человѣкомъ.»

«Історія полна злодѣевъ», прервалъ Г. Испр. должн. Попечителя, и по тому отнюдь не можетъ служить доказательствомъ.»

«Это же самое, отвѣчалъ воспитанникъ, доказывается уже то, что злодѣйство различали, а это только мы и сказать хотимъ.»

«Сколько же протекло тысячелѣтій, о которыхъ Вы говорите?» спросилъ Г. Испр. должны. Попечителя.

«Мы употребляемъ здѣсь опредѣлительное выраженіе вместо неопределительного,» отвѣчалъ воспитанникъ. «И въ томъ отношеніи, въ которомъ мы говоримъ,» прибавилъ Профессоръ Шисовъ, «нѣть нужды въ точныхъ вычисленіяхъ.»

Г. Испр. должны. Попечителя продолжалъ свое разсужденіе съ Г. Директоромъ Университета въ такихъ выраженіяхъ и сло-вахъ, которыхъ, при всей странности, трудно припомнить. Между тѣмъ дагь другой вопросъ вызваннымъ воспитанникамъ: «О разли-чинѣ между правомъ естественнымъ и правомъ положительнымъ.»

Одинъ изъ нихъ, между прочими, сказалъ, что «иное разли-чие состоить и въ томъ, что законы положительные бывають различны по различію мѣста и по различію времени на одномъ и томъ же мѣстѣ, а по тому терпятъ перемѣны и изъятія. Напро-тивъ того законы естественные (начертанные въ сердцѣ каждого человѣка, какъ доказывали уже прежде), составляющіе предметъ права естественного, суть законы постоянны, непремѣнны и существенные.»

Доказательство сего послѣдняго сказано было уже прежде, при семъ же вопросѣ. Но когда самое положеніе принято Г. Испр. должны. Попечителя за иѣчто несообразное, противное, опасное, или въ какомъ-то отношеніи предосудительное, и когда онъ, изъя-вляя то и требуя настоятельно, чтобы оное положеніе было по-вторено иѣсколько разъ, началъ тутъ же для себя писать оное по словамъ воспитанника, то сей послѣдній на вопросъ: «но почему естественные законы постоянны, непремѣнны и существенные?» отвѣчалъ иерифазомъ, сколько можно помнить: «по тому, что они основываются на общихъ началахъ ума.» — «Вы имѣете другія до-казательства,» сказалъ Профессоръ Шисовъ. — «А отъ сего Вы от-ступаетесь?» спросилъ его Г. Испр. должны. Попечителя. — «Я и въ семъ не нахожу ни чего несообразнаго,» продолжалъ Профессоръ.

Изъявляя свое убѣжденіе въ противномъ, Г. Испр. должны. Попечителя положилъ себѣ въ карманъ записанное имъ со словъ

воспитаника положеніе, говоря при томъ: «Вотъ это уже къ чему ни будь пригодится.»

Замѣчая, между прочимъ, что время непримѣтно уходитъ, а испытаніе болѣе и болѣе удаляется отъ своей цѣли, Г. Директоръ Гимназіи считалъ своимъ долгомъ о томъ и другомъ напомнить, что и сдѣлалъ, подошедшій къ Г. Испр. должны Ректора Университета. Въ послѣдствіи Г. Испр. должны Ректора представилъ о томъ Г. Испр. должны Попечителя, который отвѣчалъ ему:

«Я хочу испытать прежде его (указывая на Профессора Плисова) и ученіе, которое онъ разсѣвалъ.»

«Вашему Превосходительству угодно испытывать меня?» спросилъ скромно Профессоръ Плисовъ.

«Ну, да!» отвѣчалъ Г. Испр. должны Попечителя.

«Позвольте, однако жь, доложить Вашему Превосходительству, что здѣсь, кажется, не мѣсто для испытанія меня,» сказалъ Профессоръ Плисовъ.

«Какъ?» прервалъ Г. Директоръ Университета. «Изъ чего Вы взяли, что Васъ экзаменовать хотятъ?»

«Изъ собственныхъ словъ Его Превосходительства,» отвѣчалъ Профессоръ.

«Да не такъ ли Вы сказали, Ваше Превосходительство,» продолжалъ Г. Директоръ Университета (обратясь къ Г. Испр. должны Попечителя), «не такъ ли Вы сказали, что предоставляемъ Г. Профессору экзаменовать учениковъ?»

«Точно такъ!» отвѣчалъ Г. Испр. должны Попечителя. «Вы не дослушали, Г. Плисовъ,» продолжалъ онъ. «Изъ чего Вы взяли? Продолжайте экзаменовать, спрашивайте, давайте вопросы, продолжайте!»

«Это опять другое распоряженіе, которое угодно Вашему Превосходительству дѣлать, сказалъ Профессоръ Плисовъ, а первое состояло въ томъ, чтобы экзаменовать меня. Я это очень хорошо слышалъ, такъ какъ и всѣ предстоящіе, а по тому осмысли-

ваюсь доложить, что хотя мое званіе и увольняетъ меня отъ вся-
каго дальнѣйшаго испытанія, однако жъ я охотно подвергнусь
оному, предполагая, какъ само собою разумѣется, что испытую-
щій будетъ имѣть основательное свѣдѣніе въ наукѣ.»

«Продолжайте экзаменовать сами!» прервала Г. Испр. должна.
Попечителя; «или Вы хотите, чтобы я обвинилъ Васъ въ непови-
новеніи?»

Тутъ Профессоръ Плисовъ, который до сихъ поръ и не на-
чиналъ еще экзаменовать (по тому что вызовъ учениковъ и пред-
ложеніе для вопросовъ общихъ статей по программѣ дѣла Г.
Испр. должны. Попечителя, а Профессору при всякомъ случаѣ,
когда онъ начиналъ говорить, велико было молчать), принужденъ
былъ дать ученику вопросъ, а между тѣмъ, спустя нѣсколько вре-
мени, просилъ извинить его, что не можетъ продолжать, по при-
чинѣ, приключившагося ему круженія головы, и вышелъ изъ
собранія.

ПРОШЕНИЕ

къ Государю Императору.

Всемилостивѣйшій Государь!

Несправедливость, оказанная мнѣ непосредственнымъ моимъ Начальствомъ, поставила меня въ необходимость искать защиты у Высшаго. Я обратился, на основаніи законовъ, къ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Три мѣсяца съ половиною ожидалъ я рѣшенія моей просьбы; наконецъ, Министру угодно было, именно по причинѣ оной, отрѣшить меня отъ должности.

Виновному даютъ законы право приносить оправданіе, невинному предоставляютъ средства доказывать свою невинность, а истинѣ, всегда близкой къ Твоему, Государь, сердцу, открыть путь и къ Твоему престолу.

Я невиненъ; не оправдываюсь; пріемлю смиреніе всеподданнѣйше поднести при семъ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе ту самую Записку, которую я представлялъ Министру и которая служила поводомъ къ удаленію меня отъ должности.

Болѣе десяти лѣтъ отправлялъ я сю должность, безпорочно, съ постоянной ревностію и усердіемъ, по засвидѣтельствованію Начальства, обратившимъ Монаршее вниманіе Вашего Императорскаго Величества. Нынѣ я отставленъ, и въ данномъ на имя Правленія Университета, за № 191-мъ, предложеніи сказа-

«но: «Профессоръ Плисовъ не можетъ быть терпимъ при Университетѣ по тому, что, по неблагонадежному образу мыслей, онъ «следуетъ всегда направленію противной партии.»

Государы! Воля моего Начальства для меня законъ, но оскорблѣніе гражданской моей чести тяжкой ударъ.

Я всегда думалъ, что въ любезномъ нашемъ Отечествѣ, какъ и во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ, состоять одна только партія,—партія вѣрноподданныхъ, готовыхъ во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ содѣйствовать, по мѣрѣ силы и знанія каждого, общему благу, въ предписанномъ законами порядкѣ. Къ сей партіи, если только можно назвать симъ страннымъ именемъ миллионы имѣющихъ счастіе подъ Твоимъ кроткимъ скрипетромъ наслаждаться безопасностью и благосостояніемъ, къ сей партіи принадлежала я всегда, и до послѣдней минуты моей жизни принадлежать буду. О другихъ партіяхъ не вѣдаю, и вѣдать не сиѣю.

Государы! Минъ прегражденъ путь на поприщѣ званія моего, по мѣрѣ силы моихъ, быть полезнымъ моему Отечеству, но открыть путь къ правосудію, къ Твоему сердцу. Ты укажешь ми новое поприще, на которомъ могу продолжать усердное мое Тебѣ служеніе, оставаясь вѣрнымъ тѣмъ чистымъ внушеніямъ совѣта, коихъ я нынѣ сдѣлался безвинною жертвою.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный Монсей Паневъ, бывшій
Профessorъ С.-Петербургскаго Университета.

Марта 29 дня,
1822 г.

ВЫПИСКИ

ВРЕДНЫХЪ МЪСТЬ ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПРОФЕССОРОВЪ ГЕРМАНА, РАУПАХА И
АРСЕНЬЕВА.

Выписки мѣстъ изъ лекцій Профессора Германа.

О теоріи Статистики.

Относительно къ вопросу четвертому.

Раздѣленіе Статистики.

1.

Тетр. II, стр.

Предметъ Статистики есть Государство. Оно есть такое учрежденіе большаго или меньшаго общества людей, по которому одни, для безопасности, покорили свою волю законамъ, а другие наблюдаютъ оные и приводятъ ихъ въ дѣйство.... Двѣ главныя части Статистики: народъ и Правительство, о благосостояніи коихъ она и должна говорить; но спрашивается: которая же предшествуетъ? Часть управляемая всегда предшествуетъ управляющей. И по тому Статистикъ во первыхъ долженъ говорить о состояніи народа, какъ части управляемой, а потомъ о способѣ управления онымъ, какъ части управляющей.

2.

Тетр. III, стр. 65.

Монархія имѣеть ту безцѣнную выгоду, что вся верховная власть соединена въ одномъ физическомъ лицѣ — Монарха, который какъ

Богъ единъ и всемогущъ на земли. Онъ не ограниченъ во власти, не ограниченъ и въ благодѣяніяхъ къ своему народу; но жалко, что сіе мѣсто занято не ангеломъ, а человѣкомъ; жалко, что насищаютъ его люди разныхъ характеровъ: что одинъ созидаеть, то другой, по смерти его, разрушаетъ.

О налогахъ.

3.

Тетр. V, стр. 114.

Налагать подать сюю на капиталъ (какъ у насъ нынѣ) по оценкѣ домовъ выгодно только для Правительства; ибо оно имѣть постоянный банкъ, на коемъ налогъ основать можетъ; но чрезвычайно несправедливо въ разсужденіи гражданъ; ибо тогда они должны платить съ дома, который имъ не приносить ни какого дохода.

4.

Тетр. V, стр. 118.

Поголовный налогъ несправедливъ по тому, что онъ не щадитъ никого. Бѣдный крестьянинъ равную несетъ тягость съ капиталистомъ.

О государственныхъ долгахъ.

5.

Тетр. VI, стр. 138.

Правительство когда умножаетъ бумажки, поданные думаютъ, что оно когда либо заплатить за сіи билеты, и сія увѣренность въ добромъ расположеніи Правительства поддерживаетъ бумажки внутри Государства. Намъ купецъ кланяется, что ассигнація стоитъ, на примѣръ, 5 рублей, но иностранецъ другими глазами смотрить на сіе. Онъ говоритъ, что эта бумажка стоитъ только $1\frac{1}{4}$ руб., ибо у васъ выпущено бумажекъ въ четверо болѣе, нежели сколько нужно, а по тому и платить вы въ состояніи только $\frac{1}{4}$ часть.

6.

Тетр. VI, стр. 140.

Серебро и золото суть металлы, стоющіе труда и работы, и по своей цѣнности могутъ служить мѣрою всѣхъ вещей; мы же, напротивъ, хотимъ простою бумажкою измѣрять цѣнность оныхъ. Чрезвычайное зло для всѣхъ классовъ подданныхъ. По мѣрѣ того, какъ цѣнность золотыхъ и серебряныхъ денегъ поднимается, или упадаетъ, и на все цѣнность возвышается, или упадаетъ.

7.

Тетр. VI, стр. 140.

Признано, что бумажки вредны (кусокъ бумажки не есть кусокъ золота). Хотя болѣзнь сія сдѣлалась єуже чувствительна во всей Европѣ, но лѣкарство для излѣченія оной не вездѣ еще употребительно.

8.

Тетр. VI, стр. 147.

Правительство, ежели находится въ долгу, теряетъ нравственность — чиновники склонны къ грабежу. Кто занимаетъ важное мѣсто и худо за сіе натрахдается, тотъ имѣеть вексель, позволеніе грабить, и самое Начальство повинуется симъ законамъ необходимости. Такъ говорятъ экономисты.

9.

Тетр. VI, стр. 160.

Государь не можетъ быть судьею; ибо судья есть лицо, судящее по законамъ, ему даннымъ. Сie особливо наблюдается во Франціи, гдѣ Король ни во что не мѣшается въ дѣлахъ судебныхъ — ре-скрипты его или указы, въ судебныхъ дѣлахъ, касательно рѣшенія оныхъ, не принимаются. И такъ ex jure publico видно, что какъ несправедливо то, чтобы Государь былъ судья, такъ равно несправедливо, чтобы судилъ и народъ, участвующій въ Верховной власти.

10.

Тетр. VII, стр. 168.

Вотъ причина, по которой Римляне предъ начатіемъ войны и по окончаніи оной посыпали жрецоыъ объявить воду боговъ народу. По сему самому и въ наше время всѣ трактаты начинаются: «Во имя Святыя Троицы.»

Наши предки, будучи въ язычествѣ, заключали трактаты при Перунѣ, во время же Христіянства—въ церкви.

11.

Тетр. VII, стр. 168.

При соблюденіи трактатовъ, Богомъ засвидѣтельствованныхъ, никто не можетъ быть обижень, и на семъ-то священномъ союзѣ основывается благо народа (которое не что иное есть, какъ утвержденіе правилъ нравственности и основаніе блага народнаго), который въ настоящее время и утвержденъ между Державами Европы.

12.

Тетр. VII, стр. 171.

Сія система (равновѣсія) продолжалась отъ Фридриха до 1814 года; но три изъ главнѣйшихъ Державъ Европы: Пруссія, Австрія и Россія, разрушили единогласно сію систему раздѣленіемъ Польши. Коль скоро подали сей примѣръ, то никто уже не могъ защищать своей собственности.

13.

Тетр. VIII, стр. 207.

Частный человѣкъ сильный и добрый не имѣть нужды скрывать своихъ чувствованій и показываться иными, нежели каковъ онъ есть. Слѣдовательно, таинстволюбіе нужно для однихъ только слабыхъ и дурныхъ людей, дабы скрыть свои недостатки и злые умыслы. Подобно сему и Государство.

14.

Тетр. VIII, стр. 208.

Во всей политикѣ Макіавелевої таинстволюбіе есть ключъ и душа всѣхъ дѣлъ. Но для сильнаго Государства, управляемаго мудрымъ Государемъ, который надѣется на преданность своихъ поддакныхъ, такое таинстволюбіе низко и вредно: низко, ибо доказываетъ слабость; вредно, ибо распространиться могутъ невѣрныя свѣдѣнія въ публикѣ. И такъ могущественные Государства: Англія, Франція и Россія не имѣли такого таинстволюбія; но когда безмѣрное множество постоянныхъ войскъ разорило финансы, тогда торговля началась съ чужими народами, даже непріятелями, тогда и большія Государства, чувствуя слабость въ разсужденіи финансовъ, желая скрыть народонаселеніе и другіе виды, ввели государственную тайность.

Относительно къ вопросу пятому.

15.

Тетр. II, стр. 31.

Откуда мы получаемъ общія понятія? Изъ самихъ себя. Нашъ разумъ, изъ свода многихъ однородныхъ феноменовъ, по собственному своему усмотрѣнію, выводить общее понятіе, и какъ бы тайнымъ образомъ составляетъ системы, кои, такъ какъ, по своей слабости и неосновательности, одна послѣ другой возникли, всегда противорѣчатъ себѣ по самому дѣлу (*objecum*), а не по формѣ; ибо опытность времія отъ времени умножается, и чрезъ то предметы болѣе и болѣе уясняются, и наконецъ иногда совершенно принимаютъ новый видъ; разумъ же, составляющій форму предметовъ, пребываетъ одинъ и тотъ же.

16.

Тетр. III, стр. 59.

(Говоря о расширеніи Государствъ:)

Государство не вдругъ составляется, но въ разныя эпохи размножается, разныя провинціи, по разнымъ условіямъ, присоединяются къ нему. Однѣ, будучи завоеваны, разграбляются, или, остав-

шились невредимы, получаютъ законы отъ завоевателя; другія же, на- противъ, хотя и побѣждены, но, имѣя еще довольно силы противостоять непріятелю, вступаютъ въ переговоры съ нимъ и требуютъ отъ него разныхъ преимуществъ, объявляя, что, въ случаѣ согласія на таковыя требованія, охотно сдаются въ противномъ же случаѣ готовы сражаться. Отсюда-то и происходятъ провинціи на особыхъ правахъ.

17.

Тетр. III, стр. 69.

Безопасность состоить въ томъ, чтобы никто и ничто не могло противодѣйствовать употребленію силъ человѣка, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ; но сего онъ самъ по себѣ достичь не можетъ. Итакъ, человѣкъ, вступивши въ политическое состояніе, въ полномъ правѣ требовать отъ Правительства (оной).

Внутренняя обязанность.

18.

Тетр. III, стр. 72.

Все, что разумъ человѣческій могъ предвидѣть, чѣмъ свобода наша угнетается, заключилъ въ общихъ правилахъ, называемыхъ законами (Leges).

19.

Тетр. VII, стр. 191.

Гражданинъ-воинъ (говоря обѣ учрежденіи милиціи или земскаго войска) никогда не измѣнитъ отечеству, и болѣе будетъ наблюдать выгоду общественную, между тѣмъ какъ военные регулярные корпусы мало по малу становятся чужие своему народу, такъ что они въ рукахъ Правительства легко могутъ быть употреблены вопреки пользы онаго.

20.

Тетр. VIII, стр. 200.

Правительство не знаетъ даже самыхъ простыхъ предметовъ. Я (Германъ) не знаю точно даже числа городовъ въ Россіи. Нигдѣ

не означенено опредѣленное число онъхъ, никто утверждительно не можетъ сказать, сколько выходитъ ведръ вина, хлѣба и пр. Самыя официальные свѣдѣнія, изданныя Правительствомъ, подвержены сомнѣнію и требуютъ великой статистической критики.... Официальные свѣдѣнія имѣютъ тотъ недостатокъ, что они обнародываются для известной предполагаемой цѣли, и обнародываются.... сообразно съ достижениемъ онай. Извѣстны, на пр., споры въ церковной исторіи о томъ: «Сie есть Тѣло Мое и Кровь Моя.» Многія изданы книги, и pro и contra оправданы.

О Статистикѣ Россіи.

Относительно къ вопросу четвертому.

21.

Тетр. XIII, стр. 246.

Состояніе Русскихъ крестьянъ показало уже, что первая причина худаго состоянія крестьянъ есть феодальная система, по коей законодатели, при важнѣйшихъ перемѣнахъ, ни какого не обращали на нихъ вниманія.

22.

Тетр. XIV, стр. 269.

Далѣе, Петръ ни мало не распространялся касательно крестьянъ. Ему нужно было только, чтобы онъ могъ на 20 лѣтъ, при показанномъ числѣ людей въ такомъ-то краю, полагать подати, какъ въ разсужденіи рекрутъ, такъ и сборовъ.

23.

Тетр. XV, отъ 289 до 291 стр.

Поправленіе мостовъ и дорогъ, провожденіе колодниковъ, фуры, требуемыя для провожденія полковъ, все сіе требуется съ крестьянина въ натурѣ, а не деньгами; ибо у крестьянина нѣтъ денегъ, а ежели бы и были, то нѣтъ людей, кои взялись бы исполнить сіи должности. При исполненіи онъхъ ни мало не берутъ въ разсужденіе времени и обстоятельствъ крестьянина. Одинъ день для него

рѣшителенъ такъ, что ни какія деньги не могутъ замѣнить потери сего дня. Когда Правительство платитъ ему за исполненіе сихъ по-винностей (за фуры), то плата сія не соотвѣтствуетъ тому, что онъ потерялъ въ тотъ день; ибо когда надлежало ему, на примѣръ, ко-сить, то онъ его потерялъ, а на другой день помѣшилъ ему дождь.

24.

Тетр. XV, стр. 296.

Совсѣмъ на другихъ основаніяхъ учредить полицейскія повин-
ности сельскія, уменьшить налоги на крестьянъ.

25.

Тетр. XXVI, стр. 534.

Статистикъ, оставляя всеобщія описанія и не представляя на-
рода въ Китайскихъ картинахъ, долженъ сказать и изъяснить раз-
ныя понятія о просвѣщеніи, долженъ сказать о заведеніяхъ, Прави-
тельствомъ, или частными людьми, для распространенія просвѣще-
нія учрежденныхъ и открытыхъ, и при каждомъ изъ оныхъ долженъ
отличать характеръ и представить начало, по коему было бы можно
судить о таковомъ заведеніи: таковыхъ заведеній суть три года:
- 1) церковь, 2) школа, и 3) законодательство и управлѣніе Госу-
дарства.

26.

Тетр. XXVII, стр. 585.

Предпріятіе Никона очистить слогъ Священныхъ книгъ было
великимъ шагомъ къ просвѣщенію. Въ лѣтахъ невѣжества множе-
ство, безъ сомнѣнія, испорченныхъ словъ вкрадись чрезъ переписчи-
ковъ - невѣждъ въ рукописи. Ибо сіи писцы рѣдко были одушев-
лены охотою къ сей работѣ, по тому что онѣ обыкновенно даваемы
были монахамъ, какъ штрафъ за преступленія. Слѣдовательно, нельзя
было ожидать исправности.

27.

Тетр. XXIX, стр. 621.

Нельзя быть вмѣстѣ первымъ Магистратомъ и Государемъ.

28.

Тетр. XXIX, стр. 639 и 640.

Отличительная черта неограниченной монархіи есть быстрота по дѣламъ. Государь, какъ земной Богъ, повелѣваетъ, и все немедленно исполняется. Онъ есть творецъ, сколько человѣкъ можетъ заслужить сіе великое имя. Для обширнаго еще младенчествующаго Государства, гдѣ всѣ источники народнаго богатства еще не открыты, гдѣ сношения между жителями простѣе, нельзя желать лучшаго образа правленія. Чрезъ нѣсколько десятилѣтій такой народъ, имѣвшій счастіе быть управляемъ Государями, подобными Марку Аврелию, Антонину и другимъ, удивительные дѣлаетъ успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ и замѣняетъ цѣлыя столѣтія годами. Но эта же самая быстрота въ управлениіи неограниченной монархіи заключаетъ въ себѣ самое великое зло, когда Тиверій, Клавдій и Нeronъ занимаютъ престолы.

29.

Тетр. XXX, стр. 653.

Опытомъ доказано, что когда право предложенія дается монархическому начаду, тогда послѣднимъ результатомъ непремѣнно бываетъ жестокій деспотизмъ.

Относительно къ вопросу пятому.

30.

Тетр. XII, стр. 233.

Говоря о изгнаніи Жидовъ изъ Европейскихъ Государствъ со временъ Крестовыхъ походовъ сказано: на жестокой и, можно сказать, несправедливой участіи основаны всѣ ихъ характеристическая черты, кои мы въ послѣствіи видѣнемъ имъ въ порокъ. Отсюда проис текла ихъ неприверженность къ отечеству; ибо они не имѣли его.

31.

Тетр. XIV, стр. 272.

1) *Мнѣніе народа (opinion publique)* есть царь царей; оно даетъ законамъ больше или менѣе силы въ материальномъ пространствѣ.

32.

Тетр. XXVI, стр. 536.

Не надобно себѣ представлять начало политическихъ сословій по идеалу, каковой намъ представляетъ естественное право, по которому они основаны на договорахъ. Надобно ихъ здѣсь представить такъ, какъ они дѣйствительно случились, то есть: сильный повелѣваетъ слабымъ. Превосходная сила, безъ сомнѣнія, была главнѣйшею, по крайней мѣрѣ, причиной для основанія всѣхъ Государствъ. И такъ всѣ первоначальные учрежденія въ Государствахъ сдѣланы были силою. Сильный обыкновенно дальше идетъ, нежели сколько имѣть онъ на то право, съ тѣмъ, чтобы защищать самаго себя и чтобы подчиненнымъ его невозможно было противъ него встать.

33.

Тетр. XXVI, стр. 537.

Государства приняли нынѣшнее свое положеніе точно такъ, какъ и земной шаръ. Землетрясенія, огнедышащія горы, большия наводненія, дали земному шару нынѣшній его видъ. Устройства Государствъ, насильственнѣйшіе мятежи, бунты революцій, потомъ мирные договоры между сражающимися, дали нынѣшимъ Государствамъ образованный ихъ видъ.

34.

Тетр. XXVI, стр. 550 и 551.

Изъ сего видно, что въ Протестантской Церкви все происходитъ per disputationem, а въ Католической нѣть ни какой disputationem, а есть чистая неограниченная власть Папская. Разумѣется, что проповѣщеніе зависитъ отъ духа господствующей Церкви. Въ Протестантской оно могло скорѣе распространиться, ибо не было ни какихъ притѣсненій, а всякому позволялось разсуждать свободно о предметѣ. Напротивъ, въ Католической Церкви первымъ грѣхомъ почитается разсуждать о предметахъ, до Церкви касающихся . . .

и сіе назвали *Theologia Dominans*. Такимъ образомъ они взяли Астрономію подъ власть свою, и Галилей отъ ихъ инквизиції потерпѣлъ. Дошли до Анатоміи; ибо грѣшно рѣзать мертвыхъ, утверждали они. *Jus naturae* также подпало власти ихъ; ибо никто не осмѣялся говорить иначе, какъ что написано въ Старомъ Завѣтѣ. Минералогія, Геологія должны быть сходны съ исторіею сотворенія міра, съ I главою Моисея.

35.

Тетр. XXVI, стр. 554.

Ежели терпимость, свобода толкованія, существуетъ въ Церкви, тогда успѣхи просвѣщенія будутъ быстры; въ противномъ случаѣ — медленны.

36.

Тетр. XXVII, стр. 564.

На примѣръ, филологъ, свѣдущій въ Греческомъ и Еврейскомъ языкахъ, излагающихъ Св. Писаніе, будетъ скромнѣе и осторожнѣе въ своихъ толкованіяхъ (*interpretatio*), когда въ этомъ мѣстѣ преподаются Исторія и Философія, изъясняющія всѣ мѣста, касательно всѣхъ народовъ, слѣдовательно, и Еврейскаго, и стыдно будетъ преподавать такія системы, кои явно можно отвергать истинами другой науки

37.

Тетр. XXVIII, стр. 602.

Общество имѣть опредѣленную цѣль, а толпа нѣтъ. Непремѣнно нужно, чтобы всѣ члены общества были согласны въ разсужденіи сей цѣли, несогласный же долженъ оставить оное. Сіе общее согласіе (*la volonté générale*) есть первое основаніе всякаго общества.

Сіе сохраненіе всеобщей безопасности должно существовать, ни мало не вредя другимъ постороннимъ лицамъ, не участвующимъ въ составѣ сего общества. Симъ различается политическое общество отъ шайки разбойниковъ.

38.

Тетр. XXVIII, стр. 604 и 605.

Общество должно передать власть выбирать мѣры, нужные для достижения общественной цѣли, или одному, или некоторымъ.

Сей второй актъ общественной воли есть основаніе Правительства, и какъ скоро передана отъ большаго числа членовъ сословія власть выбирать мѣры одному, или некоторымъ, тогда уже по общественной волѣ состоять Правительство и подданные или народъ. И тогда-то сословіе сіе получаетъ название политического общества. Слѣдовательно, политическое общество есть такое общество, гдѣ, для постояннаго сохраненія безопасности всѣхъ членовъ, составляющихъ оное, не вредя другимъ, не участвующимъ въ семъ сословіи, большинство членовъ передало одному, или некоторымъ, власть выбирать надлежаша мѣры только для достижения общей цѣли

39.

Тетр. XXVIII, стр. 611.

Договоръ, который дѣйствительно существуетъ, не долженъ быть ни выраженъ, ни написанъ. Онъ основанъ на глубокомъ чувствѣ общей нужды. Тутъ не надобно ни словъ, ни письма, ни переклички, ни собранія голосовъ. Ежели бы они въ своихъ сужденияхъ не забыли того, что ежедневно предъ нашими глазами совершаются, когда садимся за столъ, когда ложимся спать, когда соединенными силами предпринимаемъ какую ни будь работу, или соглашаемся вмѣстѣ веселиться.

40.

Тетр. XXVIII, стр. 612.

Гдѣ совершился кореннай договоръ, на которомъ основались политическія общества? Отвѣчаемъ: онъ совершается ежедневно: каждый гражданинъ, каждый членъ общества, пока онъ въ немъ находится, добровольно совершаетъ оный ежедневно. Даѣте,

Первый, въ разсужденіи цѣли, есть актъ основанія политического общества; другой, въ разсужденіи выбора мѣръ, есть актъ устрой-

ства политического общества, который раздѣляетъ общество на двѣ части: на правительство и народъ.

41.

Тетр. XXVIII, стр. 614.

Но разумѣется, что сей второй актъ на устройство политического общества, бывъ заключенъ только для достижения общей цѣли, а ни мало на рабство большаго числа членовъ общества и не на ограниченную власть малаго числа, составляющаго Правительство.

42.

Тетр. XXVIII, стр. 615.

Злоупотреблениe верховной власти Правительствомъ можетъ случиться при всякомъ образѣ правленія. И сія политическая болѣзнь называется деспотизмомъ. Слѣдовательно, деспотизмъ не есть особенный образъ правленія, какъ многие изъ писателей думали, но болѣзнь отъ злоупотреблениe верховной власти въ монархическомъ и республиканскомъ образѣ правленія. Когда сія болѣзнь достигаетъ высшей степени, то случается, что народъ возбуждается, дѣлается революція и перемѣняется образъ правленія. Это дѣло возможное.

43.

Тетр. XXIX, стр. 617.

По мѣрѣ какъ нужды членовъ общества раздробляются, умножаются — и глупое слово (мысль) писать конституцію. Она для государственного устройства не пишется, но рождается; она есть послѣдній результатъ тѣхъ нуждъ, кои народъ имѣеть по степени, до коей достигло народонаселеніе, народное богатство и просвѣщеніе. Ежели бы была возможность писать конституцію, то ученые люди могли бы составить ону изъ лучшихъ извѣстнѣйшихъ конституцій; но такие проекты не имѣютъ успѣха, ежели они не основаны на дѣйствительныхъ нуждахъ народа. И такъ какъ нельзя сшить кафтаны для людей разныхъ лѣтъ и образа по одной мѣрѣ, такъ нельзя давать идеальной конституціи народу, хотя бы она была совершеннѣйшая.

44.

Тетр. XXIX, стр. 629.

Верховная власть есть результатъ добровольнаго акта передать высшему начальству выборъ мѣръ.

45.

Тетр. XXIX, стр. 631.

Но какъ можетъ случиться, что Верховная власть хотя на время забудеть общую цѣль, и какъ возможно, чтобы она употребила данную ей власть для другой цѣли, противной договору, по которому она существуетъ, то спрашивается, какъ можно предостеречь политическое общество отъ политическихъ болѣзней, коимъ оно тогда подвергается и кои со стороны Правительства называются деспотизмомъ, а со стороны народа революцію?

46.

Тетр. XXIX, стр. 641.

Аристократія имѣть безцѣнную выгоду.

47.

Тетр. XXX, стр. 645.

Демократическій образъ правленія имѣть ту выгоду, что каждый гражданинъ въ полномъ смыслѣ можетъ сказать: «Я человѣкъ.»

48.

Тетр. XXX, стр. 669 и 670.

Нѣтъ ни чего столь вреднаго, какъ пустое мнѣніе, что въ коренномъ законѣ ни что и никогда не должно быть перемѣняемо. — Общее мнѣніе вооружается тогда противъ нихъ, и рано или поздно опрокинетъ ихъ къ общему несчастію. Ибо народъ умѣеть опровергивать существующія учрежденія.

49.

Тетр. XXX, стр. 672.

Во время бѣшенства Французской революціи, когда народъ усталъ отъ сильнаго и неправильнаго движенія, то умные люди хватились, но поздно, за правила Государственнаго права. Тщетно рука деспота штыками укорощала ихъ занятія. Сей достопамятный при-мѣръ долженъ служить намъ свѣтильникомъ для будущихъ вѣковъ.

50.

Тетр. XXXI, стр. 694.

И такъ много возникло голосовъ въ новѣйшія времена противъ дворянъ и духовенства, какъ противъ состояній политическихъ. Французская революція разрушила ихъ совершенно, и хотя они опять были возстановлены, но общее мнѣніе во многихъ Государствахъ, даже между просвѣщенными, существуетъ противъ ихъ, какъ особенно привелегированныхъ классовъ.

51.

Тетр. XXXI, стр. 700.

Великое число недовольныхъ изъ самыхъ Бояръ, кои даже остались Россію, служить доказательствомъ, что они не привыкли къ неограниченному такому правленію.

52.

Тетр. XXXII, стр. 706.

Чтобъ имѣть ясное понятіе, на чемъ основано великое почтение, въ коемъ духовенство было у всѣхъ народовъ, начиная съ средняго вѣка, надоимо имѣть философскіе виды объ идолопоклонствѣ.

53.

Тетр. XXXIII, стр. 712 и 713.

Люди, кои первые выдумали и изобразили сіи естественные идеи для дикаго человѣка, выдумали также cultum deorum, обряды, по которымъ они служили имъ, и сдѣлялись жрецами. Уже Цицеронъ

говоритъ, что первоначальное ученое знаніе человѣка распространялось на всѣ предметы, что оно было *cognitio regum divinarum et humanaum* вмѣстѣ. Слѣдовательно, жрецы—и философы, и математики, и медики, и юристы, и все. Во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ слу-чаяхъ народъ испрашивалъ ихъ совѣта. Гораздо ранѣе Манеса въ Египтѣ существовала теократія (*Theocratie*), то есть, что управляли народомъ касты жрецовъ, подъ именемъ ихъ боговъ. Весьма занима-тельенъ философскій разборъ Египетскаго идолопоклонства, и видно, что прошли многія столѣтія, пока оно приняло такой истинно фи-лософскій видъ, при самой необразованной и даже смѣшной наруж-ности; на примѣръ, удивительно въ Египетскомъ идолопоклонствѣ то, что для каждого начала, коихъ находимъ двѣ въ Египтѣ: одно нача-ло *activum*, дѣятельное, и *passivum*, страдательное, два назначаются бога, изъ коихъ одинъ мужскаго, а другой женскаго рода. Удиви-тельно также, какъ сіи старины понятія о Богѣ вездѣ существу-ютъ, то есть, сіи два начала ведутъ между собою войну и побѣжда-ютъ одно другое, но вовсе не уничтожаютъ.

Теперь посмотримъ, какое имѣло вліяніе на процессъ образо-ванности идолопоклонство.

54.

Тетр. XXXII, стр. 715.

Человѣческій разумъ дошелъ мало по малу до высшихъ поня-тий, открытій общікъ началь. Сіи общія начала были прямымъ про-тиворѣчіемъ съ баснословіемъ, по тому что въ баснословіи нѣть ни чего общаго, все *individuum*. Начало идолопоклонства представляло картину чувства—и такъ оно осталось—и такъ непремѣнно приняло свое начало.

Выписка иѣсть изъ лекцій Профессора Раушаха о Всеобщей Исторіи.

Относительно къ вопросу второму.

1.

Тетр. II, стр. 46.

§ 11. Священное Писаніе весьма коротко объясняетъ нравы первыхъ человѣковъ, постановленія, родъ жизни и участъ, а въ

Священныхъ книгъ другихъ народовъ такъ баснословно, что для исторіи нѣтъ отъ нихъ пользы. Въ одномъ только всѣ удивительно согласны: это потопъ, истребившій большую часть человѣческаго рода.

За симъ слѣдуетъ сказаніе о потопѣ изъ Бероза Халдейскаго, весьма похожее на происшествіе, описанное въ Священномъ Писаніи.

2.

Тетр. IV, стр. 95.

§ 16. Индія, между Индомъ и Гангомъ, была уже въ древнія времена весьма просвѣщеною страною. Сословіе жрецовъ и строгое раздѣленіе кастъ было уже въ то время, какъ Священные книги, Веды, были составляемы, что безспорно должноствовало быть за многія тысячи лѣтъ до нашего лѣтосчисленія.

3.

“ Тетр. IX, стр. 125.

§ 38. (Говоря о несмѣтныхъ хронологическихъ періодахъ Индійцевъ находится слѣдующее). Въ продолженіи Мануаптара управляетъ Fuery, т. е., родъ священнаго, въ тѣло облеченнаго, бога.

4.

Тетр. XXVI, стр. 576.

§ 65. Очищенія различныя предписаны (Зороастромъ) и установлены тѣмъ же почти образомъ, какимъ у Израильянъ. (Далѣе слѣдуетъ ученіе Зороастра объ участіи душъ по смерти, представленіе съ тѣмъ же намѣреніемъ).

5.

Тетр. XXVI, стр. 577.

Въ такомъ состояніи всѣ души, смотря по своимъ заслугамъ, находятся до воскресенія тѣль, которое по истеченіи 12 тысячъ лѣтъ послѣдуетъ. Тогда добрые и злые воскреснутъ, моря и земли возвратятъ кости ихъ, Оромазъ ихъ сложитъ и облечетъ жилами и плотью. Вмѣстѣ съ воскресеніемъ людей возобновится вся при-

рода, восприметъ свою первообразную красоту. Осужденные, смирившись различными наказаніями, очистившись въ пламени раскаленного металла, вмѣстѣ съ блаженными насладятся веселіемъ. Самый Ариманъ и демоны его признаютъ законъ Оромаза.

Относительно къ вопросу третьему.

Тетр. II, стр. 26.

§ 7. Въ примѣчаніи объ зракѣ, употребляемыхъ различными народами и въ различные времена, сказано: Въ Древней Исторіи употребляли всегда ега *tundī*, которую сочли изъ Священныхъ книгъ Евреевъ; но оно не употребительно, поелику сіи самыя книги не согласны между собою, на пр., Христосъ родился:

По промежуткамъ временъ въ текстѣ въ году міра	3944
По особымъ членамъ въ томъ же текстѣ	4111
По сравненію Усеера въ томъ же текстѣ	4004
По числамъ промежутковъ въ Самэритскомъ текстѣ	4305
По особымъ числамъ того же кодекса	4424
По числамъ промежутковъ въ обыкновенномъ спискѣ 70 толковниковъ	5270
По особымъ числамъ Константинопольского списка 70 толковниковъ.	5508
По Пезрору изъ 70 толковниковъ.	5872
По Іосифу.	4658

7.

Тетр. II, стр. 38.

§ 9. Священные книги мы знаемъ только у трехъ народовъ: Иудеевъ, Мидянъ и Индійцевъ.

Стр. 40 и 41.

§ 10. Начало исторіи человѣческаго рода такъ темно, что ни мѣста, ни времени, гдѣ онъ получилъ свое начало, опредѣлить не можемъ; такимъ же образомъ родъ жизни, его участъ и дальнѣйшее развитіе (*progressus*) намъ неизвѣстенъ. Преданіе и разумъ научаютъ, что Южная Азія вѣроятно была первымъ жилищемъ людей. О мѣстѣ, гдѣ начался родъ человѣческій, различны мнѣнія:

въ книгѣ Бытія глав. 2, ст. 8 и пр. говорится такъ Все сіе хотя довольно хорошо опредѣлено, но весьма далеко отъ справедливости; ибо нѣтъ на земномъ шарѣ рѣки, раздѣляющейся на четыре части, или рѣкъ; отъ сего нѣкоторые полагали рай въ Сиріи, другіе въ Арменіи, иные въ Месопотамії, другіе въ Персіи, а иные въ Индіи полагали быть раю; Священныя книги прочихъ народовъ, кои остались цѣлы, или коихъ отрывки только имѣются, совсѣмъ не упоминаютъ о раѣ. Изъ сего явствуетъ, что каждый народъ полагалъ первымъ рожденіемъ человѣка собственную свою землю.

9.

Тетр. III, стр. 56.

§ 11. Послѣ сего слѣдуетъ повѣствованіе о Девкаліоновомъ потопѣ, и потомъ заключеніе: Изъ сего ясно видно, что въ древности было большое наводненіе; но потопъ даетъ весьма пространную исторію для спора: можетъ быть вопросъ: частный, или общій, былъ потопъ? Я думаю, что ни того, ни другаго утверждать нельзя.

10.

Тетр. VIII, стр. 178.

§ 22. Сами Евреи болѣе имѣютъ о себѣ извѣстій, нежели какой другой народъ; ибо сохранены *записки* самаго народа и находятся во всѣхъ рукахъ; поелику Христіянская религія, изъ уваженія къ источникамъ, изъ коихъ она проистекла, включила ихъ въ свои Священныя книги.

11.

Тетр. VIII, стр. 179, 180 и 182.

§ 22. Переводы Древняго Завѣта суть: 70 толковниковъ, въ Александрии, мало по малу исправлены тамошними Іудеями. Найлучше переведено (Моисеево) Пятикнижіе, найхуже Даниилъ. Другіе переводы на Греческій языкъ суть: Аквили, Феодотіона Ситимаха И поелику 70 толковниковъ и Еврейскіе тексты потерпѣли много перемѣнъ и искаженій, то сіи драгоцѣнныя записки имѣемъ мы не въ такой чистотѣ, какъ желать того было бы должно.

(Іосифъ Флавій можетъ также быть употребленъ для изъясненія Іудейской исторіи. Причисляется сюда и Талмудъ). Въ новѣйшии времена много писано о Іudeяхъ, но мы все еще не имѣемъ хорошей исторіи оныхъ.

12.

Тетр. VIII, стр. 189.

§ 23. (Въ примѣчаніи сказано:) Торжественный актъ, коній Моісей основалъ новое Государство, быль тотъ, что онъ приказалъ поклясться 13-ти колѣнамъ, никогда не поклоняться другому Богу, какъ Іеговѣ, коего онъ представлялъ имъ не только какъ Бога, но и какъ времененного Царя ихъ союза, и во имя Его далъ новому Государству законы. Сему Іеговѣ, Царю и Богу Израильянъ, посвятилъ онъ колѣно Левіино, и чрезъ сіе возвысилъ его въ жреческое дворянство.

13.

Тетр. VIII, стр. 190.

§ 23. Здѣсь не чрезъ колоніи образованнѣйшаго народа, но чрезъ добровольное соединеніе многихъ колѣнъ, подъ преводительствомъ образованнѣйшаго колѣна, произошло Государство, которое, впрочемъ, также какъ Египетъ, было теократическое.

14.

Тетр. IX, стр. 193.

§ 24. Когда, съ одной стороны, права и постановленія колѣнъ оставались неприкосновенны, а съ другой установлялась теократія, отъ того и произошла смѣшанная форма Еврейской республики. Ибо аристократія была подъ надзоромъ колѣна Левитовъ, т. е., высочайшая власть, властію жрецовъ умѣряемая, была у начальниковъ колѣнъ. Отсюда происходитъ публичное право Евреевъ, коего цѣль была та, чтобы духъ народа привлечь къ почитанію Іеговы, и симъ союзомъ религіи утвердить союзъ колѣнъ.

15.

Тетр. X, стр. 225.

§ 24. Въ правѣ постановленія говорить: Іегова быль Царь Израильянъ, и ему принадлежало естественно все право властителя.

(О согласіи или несогласіи Іеговы на вопросы жрецовъ изъясняется такъ, что) жрецъ вопрошаъ Іегову чрезъ Uriim и Thummim — родъ оракула, о коемъ мы не знаемъ болѣе, въ чёмъ оно состоитъ.

16.

Тетр. X, стр. 233 и 237.

§ 24. Говоритьъ, что законы полицейскіе были тѣсно соединены съ религіею, что законъ о трехъ высокихъ праздникахъ, пасхѣ, праздникѣ недѣль и праздникѣ кущей, принадлежащихъ къ полицейскимъ законамъ, равно какъ освященіе субботъ, новый годъ, и праздникъ очищенія, о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, принадлежать къ полицейскимъ законамъ, также о левитской нечистотѣ людей, домовъ и платья, сюда причислены. Нечистота домовъ Лев. 2 XIV, ст. 33—37 изъясняется тѣмъ, что это не иное что, какъ Acidum nitri (селитренная кислота), которая у насъ часто на домахъ показывается.

17.

Тетр. XI, стр. 254.

§ 25. Конституція Израильянъ уже при своемъ началѣ носила въ себѣ двоякое сѣмя поврежденія: во первыхъ, что религія была слишкомъ отвлечenna, мало падала на чувства и слишкомъ мало была соразмѣрюема съ грубою природою человѣческою; во вторыхъ, что между колѣнами былъ нѣкоторый родъ ревности, ибо нѣкоторые были тѣсно соединены между собою и составляли какъ бы партію противъ другихъ.

18.

Тетр. XII, стр. 265 и 267.

§ 26. (Въ примѣчаніи говорить о Самуиловыхъ достоинствахъ, о благопріятствующихъ ему обстоятельствахъ, что онъ Израильянъ возвратилъ къ служенію Іеговы). Но онъ хотѣлъ на будущее время обезопасить Израильское Государство, и помышлялъ о средствахъ, какъ бы служеніе Іеговы, на коемъ сіе Государство было основано, могло быть обезопасено отъ вторичнаго его паденія. Жреческій орденъ былъ въ упадкѣ; ибо худые нравы его сочиновъ отняли

у народа все уваженіе къ оному, ибо онъ вѣроятно былъ слишкомъ богатъ и развратенъ. И такъ онъ прибѣгъ къ другому средству, и основалъ орденъ въ извѣстныхъ Пророческихъ школахъ.... Воспитанники сихъ Пророческихъ школъ были назначаемы въ учителя народа, и назывались Пророками; ибо въ тѣ времена пророчество вать значило преподавать ученіе религіи въ пѣсняхъ, сопровождаемыхъ музыкою.

19.

Тетр. XII, стр. 270.

§ 26. Говоря о Давидѣ, догадывается, что, можетъ быть, Давидъ былъ воспитанникъ Пророческаго ордена (доказываетъ это тѣмъ, что онъ имѣлъ великую любовь къ поэзіи и музыкѣ).

20.

Тетр. XII, стр. 278.

§ 26. Соломонъ, если изображать его по тому образу, какъ лѣтописцы предали намъ обѣ немъ въ отдельныхъ чертахъ, былъ мужъ съ весьма счастливыми способностями, кои чрезъ воспитаніе подъ руками Пророковъ были развернуты. Его правленіе отличается литературою, начинавшею процвѣтать тогда между Евреями. Самъ Царь былъ поэтъ, какъ и его отецъ, но не съ возвышенностью; его стихотворенія принадлежатъ къ нижнему стилю и болѣе суть плодъ размышленія и науки, нежели генія.

21.

Тетр. XII, стр. 168.

§ 46. Въ семъ періодѣ началась борьба Христіянства съ Язычествомъ. Христіянскіе писатели все представляли, чтобы доказать безсмысленность древней естественной религіи и, такимъ образомъ, доставить легкій ходъ своей вѣрѣ. Противъ сего тогдашніе языческие философы, коихъ обыкновенно называютъ Новоплатониками, составили теологическую систему, дабы оправдать древнюю естественную религію, какъ сообразную съ разумомъ; оная основывалась

преимущественно на древней Египетской. Объ партии писали другъ противъ друга съ великою силою и ненавистью; много было говорено о религії Египтянъ, но легко можно представить, какъ при семъ раздѣлениі мнѣній истина страдала: Христіяне и Язычники превращали истину, чтобы изъ того вывести доказательство своего мнѣнія; даже не совѣстились дѣлать подложныя творенія, кои выдавали за древнія и коими доказывали свои положенія.

22.

Тетр. XXVI, стр. 384.

Третье священное торжество (у Симитовъ), * о которомъ мы упомянули, было Даруни, или благословленнаго хлѣба и чаши, которое въ воспоминаніе Гома, первого виновника и учредителя религії Оромазовой, празднуется. Когда молитвы, называемыя «изешне,» читаются, Священникъ освящаетъ маленькие опрѣсноки или булочки, и съѣдаетъ; сіе сдѣлавши, онъ сокъ Гоме изъ священной чаши выпиваетъ. Для надлежащаго уразумѣнія сей церемоніи, надо знать, что на языкѣ маговъ Гомъ означаетъ Пророкъ и вмѣстѣ растеніе, такъ что сокъ растенія означаетъ кровь Пророка, по чему Зороастръ вводитъ Гома говорящимъ: «Кто меня вкушаетъ, призыва меня съ пламеннымъ сердцемъ и изливая молитвы смиренныя, тотъ воспріметъ отъ меня блага міра.» Сіе торжество, какъ отдельно, такъ и совокупно съ другими священными обрядами, совершалось и совершается и у Персовъ, потомковъ древнихъ Персовъ и Мидянъ.

Относительно къ вопросу четвертому.

23.

Тетр. IX, стр. 201 и 202.

§ 24. Полигамія, безъ сомнѣнія, была позволена у Израильянъ, и только ревность къ вѣрѣ отвергла сіе (что доказываетъ писаніями Davida и говоритъ:) не должно думать, что Моисеевы установленія содержатъ все совокупное право Евреевъ (а поелику безъ права не состоять ни какая фамилія, не только цѣлое колѣно, а по сему неми-

* На предыдущей страницѣ сказано: «Сіе торжество совершенно сходно со службою Католическою.»

нуемо образовалось право обыкновенія). Такое право нашелъ и Мойсей у Евреевъ, и только тамъ даетъ онъ законы, гдѣ ему не вправится право обыкновенія.

24.

Тетр. XI, стр. 211.

§ 24. Слова: «Господинъ могъ употреблять свою дѣвку въ наложницу, или дать ее для сего употребленія сыну; въ обоихъ случаяхъ, если мужъ ею наскучится, она должна быть отпущена безденно», подтверждены Священнымъ Писаніемъ. Втор. гл. XX, ст. 10—14.

(Показаніе на текстъ, и вообще заключеніе, выводимое изъ смысла постановленій Ветхозавѣтныхъ, совсѣмъ должно).

25.

Тетр. XIII, стр. 292.

§ 27. Іеровоамъ видѣлъ, что доколѣ Іерусалимъ, столица Царѣвъ Иудейскихъ, будетъ имѣть религіозную святыню въ глазахъ его подданныхъ.... дотолѣ онъ не можетъ увѣренъ быть въ своемъ господствѣ, (и для того-то) запретилъ путешествія въ Іерусалимъ, и поставилъ въ Веѳилѣ и Данѣ золотыхъ тельцовъ, чтобы подъ симъ образомъ поклоняться Іеговѣ.

26.

Тетр. XIII, стр. 293.

§ 27. При Ахавѣ было введено изъ Финикии служеніе Ваалу, и (отъ того) обѣ религіозныя царти, обожатели Іеговы и Ваала, называли другъ друга преслѣдователь.

27.

Тетр. XIII, стр. 300.

§ 27. (Повѣствую обѣ осадѣ Іерусалима Сеннахеримомъ, утверждаетъ, что одна моровая язва въ Ассирійскомъ войскѣ спасла Іудею, и что, при всѣхъ тогдашнихъ Царяхъ, служеніе Іеговы находилось въ безпрестанной борьбѣ съ служеніемъ Ваала.

28.

Тетр. XIV, стр. 309.

Въ продолженіи §§ 28 и 29 доказываетъ, что сказаніе Библейское объ Ассириянахъ нелѣпо и невѣроятно

Относительно къ вопросу пятому.

29.

Тетр. VII, стр. 149.

§ 20. Всякая вѣра упадаетъ со временемъ въ той мѣрѣ, какъ разумъ просвѣщается, что необходимо случается при умножающейся опытности.

30.

Тетр. X, стр. 129 и 130.

§ 39. Производящая мужская сила, мужской первоначальный элементъ, протекаетъ безпрестанно чрезъ второй женскій, такъ какъ онъ сіе дѣлалъ тогда, когда производимъ былъ міръ, и его продолжительное порожденіе. Человѣкъ, изъ всѣхъ сотворенныхъ существъ, есть существо самое загадочное. Душа, какъ животворящее, дѣйствующее и производящее въ человѣкѣ, играла такую же роль въ человѣческой природѣ, какую животворящее мужское начало играло во всей вселенной; и поелику она, какъ нѣчто сотворенное, въ слѣдствіе системы истеченія, долженствовала быть истеченіемъ обоихъ коренныхъ началъ, то было естественно, что она почиталась изліяніемъ дѣятельного мужского начала, поелику она во всѣхъ отношеніяхъ ему уподоблялась.

31.

Тетр. XI, стр. 148.

§ 43. Съ волею боговъ, что человѣкъ долженъ поступать справедливо, съ ихъ равностію къ справедливости, жрецы соединили всю свою нравственность и на оной основали свое гражданское законодательство, которое въ то время обнимало всю систему должностей человѣка, сколь далеко они развернулись у самыхъ законодателей. Такимъ образомъ въ видѣ божескаго закона извѣтвошло въ человѣ-

ка то, что произошло только изъ развитія его собственныхъ спо-
собностей, и какъ повелѣніе всесильного божества, управляющаго
судбою человѣка, изобрѣло повиновеніе, которое оно всегда бы
изобрѣло, какъ законъ собственного разсудка.

32.

Тетр. X, стр. 180.

§ 43. Вѣра есть единственная наука того времени, такъ какъ
она и вообще есть наука воображенія, и, слѣдовательно, долженствова-
ла господствовать въ человѣкѣ, доколѣ господствовала въ человѣкѣ
сія способность души.

33.

Тетр. XII, стр. 178.

§ 46. Изъ сихъ обоихъ * первоначальныхъ существъ произо-
шли два другія, огонь и вода; огонь начало мужское и дѣятельное,
вода женское и страждущее; и здѣсь разумѣть должно не столько
земной огонь, сколько тотъ, который, какъ дѣйствующее начало,
проникаетъ всю вселенную, и влажность, которая равномѣрно
распространена по вселенной. Изъ сихъ произошли теперь небо и
земля, также начало мужское и женское; но опять не сіе видимое
небо и не сія видимая земля, но паче эфир; изъ сего исходить
вся оплодотворяющая сила, и нижній воздухъ, который принимаетъ
въ себя сію оплодотворяющую силу и чрезъ то дѣляетъ возможнымъ
всякое земное произрастаніе.

34.

Тетр. XIX, стр. 263.

То, что представить можно съ нѣкоторымъ видомъ истины, какъ
дѣйствительное древнее и истинное, есть слѣдующее: въ началѣ
были, и непрестанно находятся, два начала, свѣтъ и тьма, одно ду-
ховное и мужское, другое материальное и женское. То и другое по
порядку источенія, какъ творился міръ, развивалось и, дабы міръ
хранился, нынѣ непрестанно развивается.

* Сначала было два существа, мужское, дѣятельное, свѣтъ, или дыханіе, и жен-
ское, страждущее, ночь или мракъ, слѣдовательно, духовное и материальное.

35.

Тетр. XXII, стр. 312 и 315.

Хотя всѣ сіи божества (Ваалъ, Адонаи и проч.) должны причислены быть къ солнцу, однако изъ того, что у древнихъ встречается, легко видѣть можно, что идея объ оныхъ была основана на космологическихъ началахъ, такъ что не только солнце, но и причина вещей, рождающая мужское начало, означались: Белъ, Ваалъ, Адонаи или Адонисъ, одно и то же означаютъ.

36.

Тетр. XXVII, стр. 395.

Никто изъ древнихъ не имѣлъ понятія о Богѣ невещественномъ.

Относительно къ вопросу шестому.

37.

Тетр. III, стр. 65.

§ 13. Много было споровъ о происхожденіи гражданскаго общества, особенно же о происхожденіи верховной власти. Одни утверждаютъ, что верховная власть непосредственно учреждена самимъ Богомъ, хотя нельзѧ привести тому ни какого исторического доказательства.

38.

Тетр. III, стр. 79.

§ 14. Напослѣдокъ третій родъ Государствъ, встречающійся въ исторіи позже двухъ первыхъ, произошелъ чрезъ силу и оружіе. Одно.... воинственное племя поработило другія — и здѣсь является уже истинная монархія.

39.

Тетр. XX, стр. 469.

§ 36. Отъ божества исходило тогда все законодательство, и чрезъ то для народа, который былъ еще слишкомъ грубъ, чтобы повиноваться законамъ разума, получило связующую силу.

**Выписка изъ уроковъ Адъюнкта Арсеньева въ
Университетской Пансіонѣ о Статистикѣ.**

Относительно къ вопросу третьему.

изъ тетрадей студентскихъ.

1.

Стр. 27.

Народъ былъ прежде Правительства, създовательно, народъ важнѣе Правительства, и мы должны говорить о народѣ, такъ какъ о важнѣйшемъ предметѣ.

2.

Стр. 47.

Правленіе образуется тогда, когда люди, перешедши различныя степени гражданской жизни, наконецъ подвергаютъ себя волѣ какого либо лица физического, или нравственнаго, которому даютъ власть дѣйствовать по своему расположению. Сія верховная власть образуется при переходеніи людей изъ семейственныхъ обществъ въ гражданскія, для безопасности. Соединенное гражданское общество руководствуется известными правилами или законами. Сумма всѣхъ сихъ правилъ или законовъ составляетъ Конституцію Государства.

3.

Стр. 53.

Монархія есть самая лучшая (форма). Здѣсь власть отдается одному; но иногда Монархъ, вместо добра, можетъ произвести зло. Положимъ, что Государь добръ, старается о безопасности подданныхъ; но онъ смертенъ; послѣ него бываетъ новый, который злодѣйствуетъ, приводить подданныхъ въ ужаснѣйшее состояніе. И такъ мы видимъ, что во всякомъ Правленіи есть свои недостатки. Англія узнала оные, и избрала лучшее, и имѣть совершенѣйшее Правленіе.

Необыкновенная полиція.

4.

Стр. 62.

Чиновники сей полиціи, для удобнѣйшаго розыска, бывають тайны и называются шпіонами или розыщиками; имъ поручаетъ Правительство свою безопасность. По своему основанію, эта полиція очень полезна; но, будучи орудіемъ деспотизма, ужасна и вредна для самаго Государства. Она стоитъ большихъ издержекъ на жалованье чиновникамъ. Посредствомъ сей полиціи наизываются даже требованія правъ человѣчества. Это есть сѣмь раздоровъ и недовѣрчивости между гражданами Государства.

5.

Стр. 118.

Винная торговля, золотые и серебряные рудники и проч. суть исключительная принадлежность Правительства. Легко видѣть можно невыгоды сихъ регалій: поелику Государь принадлежитъ къ классу не производящему, онъ худой хозяинъ, и сie показываетъ, что Государство еще далеко отъ Государственного устройства. Петръ Великий былъ первымъ фабрикантомъ, купцомъ и вообще былъ монополистъ, отъ чего дѣлался подрывъ подданнымъ; ибо очевидно, что Государь удобнѣе можетъ содержать и заводить фабрики, нежели частный, а по тому онъ можетъ дешевле продавать издѣлія оныхъ.

6.

Стр. 124.

Полезно оцѣнивать дома и брать налоги, соображаясь съ цѣною дома, или съ капитала, что и существуетъ у нась, въ С.-Петербургѣ, но что также несправедливо.

7.

Стр. 137.

Когда будемъ вникать въ составъ Государства и въ отношенія подданныхъ къ Правительству, и обратно, то увидимъ, что налоги

суть необходимы и показываютъ, что Государство на извѣстной стѣни образованія. Но налоги вредны; ибо имѣютъ вредное влияніе на народонаселеніе, на промышленность, на просвѣщеніе, и вообще на благосостояніе народа; ибо, при тягостныхъ налогахъ, молодой человѣкъ, едва прокормливающій себя и уплачивающій налоги, не можетъ думать о супружествѣ, и опасается, въ случаѣ брака, впасть въ крайнюю бѣдность; отъ сего народонаселеніе уменьшается и притомъ дѣти отъ бѣдности въ нѣкоторыхъ семействахъ умираютъ. Налоги также вредны и для народнаго богатства. Сие богатство состоить въ запасѣ капиталовъ, которые приобрѣтаются бережливостью, которую налоги уменьшаютъ. И такъ налоги вредятъ и народному просвѣщенію, какъ слѣдствію богатства, ибо при налогахъ всякий думаетъ не о своемъ просвѣщеніи, но о корысти.

ВОПРОСНЫЕ

ПУНКТЫ И ОТВѢТЫ НА НИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ ГЕРМАНА, РАУПАХА,
ГАЛИЧА И АРСЕНЬЕВА.

Вопросные пункты Профессору Герману.

Въ письмѣ Вашемъ къ Ректору Университета показано Вами, что, преподавая 15 лѣтъ Статистику, не писали Вы уроковъ своихъ, изъ подражанія учителю Вашему, Шлецеру, и что Студенты, слушавшие изустное Ваше преподаваніе, могли въ тетрадяхъ своихъ вмѣстить то, чего Вы имъ не говорили; при томъ пре проводили Вы къ Ректору написанные Вами отрывки Статистики Австріи. По сему спрашивается:

1. Ежели вы не имѣете привычки писать Вашихъ лекцій, то по чому, не писавъ Статистики Россіи, написали Статистику Австріи, изъявъ и изъ нея, однако же, всѣ тѣ мѣста, въ коихъ можно предполагать тѣ же самыя собственные мнѣнія, кои въ Россійской Статистикѣ Вы обнаружили, какъ-то: о Правительствѣ, о Духовенствѣ, о Церкви, и проч.?

Я не однократно намѣревался писать курсъ Статистики, но другія мои занятія мнѣ въ томъ препятствовали. Я хотѣлъ писать Руководство къ Статистикѣ Европейскихъ Государствъ, и сдѣлалъ опытъ въ семъ родѣ, начавъ Австрійскую Имперію. Потомъ я оставилъ сей планъ, предпочитая способъ преподаванія Статистики по предметамъ, входящимъ въ составъ сей науки. Предметы въ Австрійской Статистикѣ суть тѣ же самые, кои находятся и въ лекціяхъ моихъ по Статистикѣ Россійского Государства. Различие состоить только въ томъ, что въ первой я хотѣлъ писать Руководство, а во второй входилъ въ большія подробности касательно тѣхъ же самыхъ предметовъ, сколько то нужно было для Студентовъ Университета.

2. Какимъ образомъ могло произойти случайно, что у нѣсколькихъ Студентовъ Вашей аудиторіи всѣ вредныя мнѣнія о Религії и Правительствѣ совершенно въ смыслѣ и въ выраженіяхъ согласны, а у тѣхъ, кои представили тетради неполныя, недостаетъ именно тѣхъ тетрадей, въ которыхъ вредныя мѣста заключаются?

Въ семъ вопросѣ заключаются два разные предмета: а) что есть вредныя мнѣнія въ отношеніи къ Религіи и къ Правительству въ тетрадяхъ тѣхъ Студентовъ, которые представили полный курсъ, между тѣмъ какъ въ другихъ тетрадахъ неполныхъ недостаетъ тѣхъ статей, кои вредны; б) какимъ образомъ могло случайно произойти, что тетради многихъ Студентовъ сходны и по смыслу и по выраженіямъ? Къ а): Я утверждаю, что мои мнѣнія, объясненные такъ, какъ я оныя понимаю, не вредны; но я замѣтилъ изъ читанныхъ мнѣ выписокъ, что въ оныхъ есть мѣста, противныя моимъ началамъ. На конецъ, я совершенно не знаю, по чому иныхъ тетрадей недостаетъ у Студентовъ. Ко б): Я никогда не писалъ своихъ лекцій и никогда не давалъ Студентамъ своихъ собственныхъ записокъ, какъ то я уже объявилъ. Студенты не иначе могли принимать мои изустныя преподаванія, какъ за положенія (*comme des données*), по тому что я объясняюсь довольно худо по Русски. Надлежало изъ нихъ дѣлать редакцію, чтобы составить записи въ порядкѣ чистымъ Русскимъ слогомъ. Я увѣренъ, что многіе изъ Студентовъ располагали оныя по своему, будучи прилежны; а, можетъ быть, есть и та-кія уставныя записки (*cahiers de fondation*), кои, въ теченіе многихъ лѣтъ, переходили изъ рукъ въ руки и были пополняемы Студентами по собственнымъ ихъ понятіямъ.

3. Что можете Вы представить въ подтвержденіе показанія Вашего, что Ваше изустное преподаваніе не вмѣщало въ себѣ ни чего, противнаго Религіи и Государственному правленію?

а) Мою совѣсть, которая чиста; никогда я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія говорить противъ Религіи, или противъ Правительства; б) разсмотрѣніе всѣхъ, извлеченныхъ изъ Студентскихъ тетрадей, мѣстъ, кои будутъ мною признаны сообразными съ моими настоящими началами, если разсмотрѣніе сіе будетъ сдѣлано такими судьями (*Juges compétens*), кои извѣстны по политическимъ своимъ свѣдѣніямъ.

4. Ежели предположить, что многіе изъ Студентовъ Вашихъ помѣстили въ свои тетради, какъ Вы сами изъясняете, болѣе или менѣе (*plus ou moins*) то, что Вы имъ изустно преподавали, то какимъ образомъ произошло, что обѣ науки, Вами преподанныя, т. е., Теорія Статистики и Статистика Россіи, имѣли вообще явнымъ основаніемъ своимъ и цѣлю порицаніе Христіянства, оскорблениe до-

стоинства Церкви, существующаго въ Россіи Правленія и вообще Верховной власти?

Я пришелъ въ ужасъ, услыша сей пунктъ обвиненія, который вынуждаетъ меня нижайше просить о разсмотрѣніи сего дѣла сообразно съ отвѣтомъ З б).

5. Для чего въ преподаваніе Статистики вмѣстили Вы совершенно чуждая сей наукѣ матеріи, въ изложениіи которыхъ обнаруживаются правила возмутительныя?

Тутъ также два предмета заключаются въ одномъ вопросѣ: спрашивается: а) по чему въ моихъ Статистическихъ лекціяхъ есть матеріи, почитаемыя посторонними для сей науки, и б) сіи постороннія матеріи названы вредными? Отвѣщаю на а): Можно проходить Статистику или исторически и, такимъ образомъ, она должна быть преподаваема, по моему мнѣнію, въ Гимназіяхъ; или политически, какъ она должна быть преподаваема, по моему мнѣнію, въ Университетѣ. По моему мнѣнію, Статистика есть средоточіе всѣхъ Политическихъ наукъ. Она доставляетъ доказательства всѣмъ симъ наукамъ, а по тому начала сихъ наукъ должны быть развиты (*dévelopées*) въ соответственныхъ тому статьяхъ Статистики, а особенно въ теоріи Статистики, которая представляетъ сокращеніе оныхъ, ибо нельзя отвѣтить на то, что еще неизвѣстно. Наконецъ, всѣ входящіе въ Статистику предметы и самый способъ преподаванія оной означенены въ моей Теоріи Статистики, съ одобренія Главнаго Правленія Училищъ и на казенный счетъ напечатанной въ 1809 году для Гимназій Россійской Имперіи. Къ б): Я ссыпаюсь на мой отвѣтъ № 3, 2 и 4.

6. Какимъ образомъ, разматривая по однимъ правиламъ чести и благоприличія, можете Вы оправдать публичное порицаніе дѣйствій того Правительства, которому Вы служите, и предъ воспитанниками, коихъ образованіе было Вамъ ввѣreno отъ него?

Ужасный упрекъ, содержащийся въ семъ вопросѣ, не прежде мнѣ можетъ быть сдѣланъ, какъ тогда, когда я удостоюсь разсмотрѣнія приведенныхъ изъ Студентскихъ тетрадей мѣстъ всѣхъ виѣстъ и такими людьми, кои въ наукахъ Политическихъ искусств. Наконецъ, я нижайше прошу снабдить меня копіею съ выписки тѣхъ мѣстъ, кои въ объяснительныхъ пунктахъ показаны.

Вопросные пункты Профессору Раупаху.

1. Для чего и съ чьего дозволенія преподавали Вы въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, вместо Исторіи, Вамъ назначенной и которую следовало Вамъ соглашать съ общепринятыми классиками сей науки, Систему Философскую, произвольно Вами составленную?

Я училъ Свѣтской Исторіи такъ, какова она должна быть, а не Системъ Философской.

2. Съ какимъ намѣреніемъ устремляли Вы преподаваніе сей Философіи единственно къ убѣжденію Вашихъ слушателей въ томъ, что языческая теогонія есть будто бы учение истинное и единственный источникъ религіи Еврейской и Христіянской?

Я не училъ тому, чтобы теогонія язычниковъ содержала что ни будь справедливо.

3. Съ какимъ намѣреніемъ усиливались Вы въ преподаваніи уроковъ Вашихъ потрясти достовѣрность книгъ Св. Писанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ отвергнуть Божественное Откровеніе Ветхаго и Нового Завѣта, и, выводя постоянно во всей системѣ преподаванія Вашего сходство Индійскихъ обрядовъ съ таинствами Христіянства, стремились поколебать достовѣрность Божественного установлѣнія оныхъ священныхъ таинствъ?

Я не нападалъ на достовѣрность Священнаго Писанія.

4. Какъ позволили Вы себѣ предлагать слушателямъ Вашимъ вымышленныя, порицательныя заключенія о Божественныхъ преданіяхъ въ Библіи, подкрѣпляя выводимые Вами изъ того ложные толки превратнымъ показаніемъ смысла текстовъ?

Я не представлялъ превратно смысла Священнаго Писанія.

5. Съ какимъ намѣреніемъ внушали Вы и вводили въ учение Ваше такія понятія, которые ведутъ къ матеріализму и атеизму.

Я не проповѣдывалъ матеріализма.

6. Съ какимъ намѣреніемъ и по какому праву, служа Россійскому Правительству, учили Вы въ Императорскомъ Университетѣ, что Верховная власть есть только насильственное завладѣніе народною спо-

бодою, и, такимъ образомъ, вмѣсто полезнаго преподаванія Исторіи, разсѣевали мнѣнія и начала возмутительныя?

Я не училъ тому, что власть Верховная основана на притѣсненіи.

Опроверженія свои я не прежде могу подтвердить доказательствами, какъ въ то время, когда даны будутъ средства, т. е., когда сообщена будетъ миѣ выписка изъ моихъ уроковъ, когда миѣ возвращены будутъ мои тетради съ экземпляромъ одного изъ моихъ слушателей, и когда миѣ предоставлено будетъ нужное время.

Вопросные пункты Профессору Галкчу.

Въ письмѣ Вашемъ къ Ректору Университета, на требование отъ Васъ тетрадей, по коимъ Вы преподавали разныя части Философіи, объявили Вы, что основаніемъ уроковъ Вашихъ брали Вы Курсъ Философіи Карпе и печатную книгу Вашу: Исторію философскихъ системъ.

Нынѣ въ тетрадяхъ Студентовъ Вашихъ обнаружены начала, противныя Вѣрѣ и властямъ, установленнымъ отъ Бога; и по тому предлагаются Вамъ слѣдующіе вопросы:

1. Чѣмъ докажете Вы, что въ изустномъ преподаваніи Вашемъ не было ни чего, сему подобнаго?

2. Чѣмъ можете доказать, что разрушительныя начала, въ тетрадяхъ Студентовъ Вашихъ обнаруженныя, не суть извлечения изъ собственной книги Вашей — Исторіи философскихъ системъ, которая, вмѣщая въ себѣ всѣ сіи начала, открытое даетъ предпочтение Философіи Шеллинга, противной учению Божественнаго Откровенія?

3. Въ предисловіи Вашемъ ко второй части сей книги, утверждаете Вы сами, что вожделѣнныя успѣхи Вашихъ слушателей познакомили ихъ чрезъ нее съ ученіями древнихъ мудрецовъ; то, на основаніи сего собственнаго признанія Вашего, спрашивается: съ какимъ намѣреніемъ излагаете Вы противныя учению Вѣры понятія Индійской Философіи, указывая на источники оныхъ самые вредные и авторовъ самыхъ опасныхъ?

4. Съ какимъ намѣрѣемъ вводите Вы въ число философскихъ сектъ ученіе Евреевъ и Христіянъ, въ книгахъ Ветхаго и Нового Завѣта заключающееся, стараясь утвердить тѣмъ, что оныя ученія не суть Откровеніе Божественное, но вымысль человѣческій?

Сознавъ невозможность отвергнуть вопросные пункты, отвѣчаю желаніемъ не поминуть грѣховъ юности и невѣдѣнія.

Вопросные пункты Профессору Арсеньеву.

Въ донесеніи Вашемъ Ректору Университета Вы говорите, что не имѣете ни какихъ тетрадей, чимъ систематическихъ записокъ по Вашему предмету, а руководствовались поименованными въ донесеніи Вашемъ авторами и книгами; Статистику же Россіи преподавали Вы по напечатанной собственной книжѣ Вашей, дѣлая въ оной разныя перемѣны и поправки. По сему:

1. Ежели Вы не заготовляли Вашихъ лекцій письменно, то какимъ образомъ оказалася въ тетрадахъ воспитанниковъ Благороднаго Университетскаго Пансіона вредная мнѣнія о Религіи и Правительствѣ совершенно между собою согласны въ смыслѣ и выраженияхъ?

2. Чѣмъ опровергнете Вы то, что найденные въ тетрадахъ воспитанниковъ вреднаго духа мѣста суть собственные ихъ прибавленія, а не изъ Вашихъ преподаваній взятыя?

На вопросные пункты, предложенные мнѣ Высшимъ Начальствомъ Университета, честь имѣю представить мои отвѣты:

На 1-й и 2-й вопросы: Тетрадей и записокъ моихъ по Статистикѣ я ни Студентамъ, ни воспитанникамъ не давалъ. Что записи Студентовъ согласны между собою въ смыслѣ и выраженіяхъ, это происходит отъ того, что во время класса, при преподаваніи моемъ, одинъ изъ воспитанниковъ Пансіона замѣчалъ главное и вообще, что ему казалось достойнымъ замѣченія, послѣ класса все приводилъ въ порядокъ по своему образу мыслей и своимъ слогомъ. Составленное однимъ переписывало было всѣми прочими. Записки, та-

кимъ образомъ сдѣланныя, могли совершенно отступить отъ смысла моего, и мысли, мною изложенные, въ другихъ выраженіяхъ представленные воспитанниками, могутъ теперь быть обращены въ сторону, для меня чрезвычайно невыгодную. Начальство мое, получивши тетради, такъ искаженные и несообразностями наполненныя, конечно, по долгу своему, не зная ихъ происхожденія, должно осуждать меня, какъ преступника. Впрочемъ, съ увѣренностью въ душѣ и съ спокойствиемъ совѣсти, я смѣю увѣрить Начальство, что я никогда не позволялъ себѣ входить въ сужденія о Вѣре, мною свято чтимой. Съ дѣтства моего я привыкъ думать, что Вѣра есть краеугольный камень доброй нравственности и человѣческаго счастія.

3. Для чего, преподавая Статистику, вводили Вы въ оную чуждыя сей науки матеріи, въ наложеніи которыхъ обнаруживаются начала и заключенія возмутительныя противу благосостоянія общественнаго?

На 3-й вопросъ: Преподавая Статистику, съ намѣреніемъ я не думалъ никогда касаться области другихъ наукъ. Но, смотря на нее, какъ на науку политическую, а не историческую, или географическую, я сближался съ предметами, сродными и близкими ей, хотя они главнѣйше принадлежать къ Политической Экономіи, или къ Праву Государственному: «Staatsrecht und Staatsverwaltungslehre sind die Haupttheile der Statistik», такъ говоритъ Шлецеръ, толико знаменитый своими заслугами по Статистикѣ и по Исторіи нашего отечества. Кроме простыхъ показаний въ числахъ, я позволилъ въ книгѣ моей сужденія и заключенія по многимъ предметамъ, считая это для себя обязанностью, ибо я имѣлъ въ виду правило того же Шлецера: «Es giebt eine Statistique raisonnée.» Да проститъ мнѣ почтенная Конференція и Правленіе, что я привожу самые подлинныя слова Шлецера: «Eigentlich fordert man dem Statistiker nur Factual ab, aber oft muss er die Folgen erwähnen zum Beweis, dass sein Factum statistisch richtig sei». Впрочемъ, таковыя сужденія мои, таковыя заключенія, я дѣлалъ, будучи совершенно чуждъ всякаго злонамѣренія. Въ продолженіе одиннадцатилѣтней службы моей я никогда не былъслушникомъ Высшей власти и моего Начальства: воля его была для меня священною.

Преподавая Теорію Статистики, я руководствовался печатною книгою Г. Профессора Германа, моего наставника въ сей науки,

руководствовался тѣмъ безбоязненнѣе, что она была преподаваема повсюду по повелѣнію Главнаго Училищъ Правленія. Отвѣтъ на многія статьи, изложенные въ выпискѣ, будетъ продолжительно теперь. Если Начальству моему благоугодно будетъ приказать мнѣ отвѣтъ на нихъ письменно, на каждую часть порознь, то за особенное счастіе почту себѣ исполнить это, тѣмъ болѣе, что при семъ я имѣль бы случай открыть мой образъ мыслей и представить, какъ мало я наклоненъ съ намѣреніемъ къ возмутительности, буйству, непокорности властямъ и богохульству. Но рессаге (egarre) humatum est.

4. Для чего и съ должностного ли, отъ кого слѣдовало по Уставу, позволенія приняли Вы въ руководство преподаванія въ Благородномъ Пансионѣ Статистики такую книгу Вашу, которая заключаетъ въ себѣ непозволенные сужденія и опороченія отечественного Правительства, существующихъ законовъ, формы правленія гражданскаго и духовнаго?

На 4-й вопросъ: Книга моя введена въ Пансионѣ не по формальному предложенію Начальства, но съ словеснаго соизволенія Г. Директора Пансиона. Впрочемъ, она введена и въ Лицѣ и въ Пансионѣ Царскосельскомъ безъ моего содѣйствія, по волѣ тамошняго Высшаго Начальства.

Въ заключеніе беру смѣлость представить Высшему Начальству мое увѣреніе, что я никогда не порочилъ съ намѣреніемъ ни какихъ отечественныхъ постановленій, комыи паче не дерзаю осуждать формы правленія гражданскаго и духовнаго. Я чувствую благотворность его и нахожу себя счастливымъ подъ кровомъ отечества моего. Несказанно счастливымъ почтѣ бы себя, если бы Высшее Начальство даровало мнѣ случай отвѣтать на каждую статью выписки порознь. Въ томъ состоитъ моя покорнѣйшая просьба, исполненіе кояя будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія Начальства.